О. ГЕНРИ

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ НОВЕЛЛЫ

Рождественские новеллы
О. Генри

Аннотация
О. Генри. Рождественские новеллы
Канун Рождества
Канун Нового года, и как он наступил в Хаустоне
Рождественский чулок Дика Свистуна
Рождественский подарок
Елка с сюрпризом
С праздником!
День, который мы празднуем
Постскриптумы
Незаконченный святочный рассказ
Дары волхвов
Об авторе

Аннотация

В этой книге собраны рождественские произведения О. Генри в лучших переводах на русский язык и в наиболее полном составе, включая не только широко известные новеллы, как, например, «Дары волхвов», но и редко издаваемые рождественские миниатюры «Постскриптумы». Сборник дополнен статьей Евгения Замятина об О. Генри и сведениями о переводчиках, которые обычно остаются в тени, но доносят до читателя голос автора и его рождественскую радость.

О. Генри
Рождественские новеллы

Канун Рождества

Некоторые сценки и звуки, увиденные и подслушанные на хаустонских улицах и еще кое-где

***Перевод Льва Каневского*[1]**

Хаустон — это типичный южный город, хотя он деловой, растущий город, который без особого напряжения занимает свое место среди

---

[1] Примечания: 1

Лев Дмитриевич Каневский (1939–2006) — писатель, переводчик с английского, французского и итальянского языков. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

полудюжины южных городов метрополии, он по-прежнему сохраняет все стародавние южные обычаи, привычки и традиции. Здесь не найдешь присущей северным городам всепоглощающей спешки, перехватывающей дух суеты, беспокойной, постоянной гонки за наживой. Хаустонцы — народ состоятельный, процветающий, они все воспринимают с легкостью, полагая, что можно сорвать несколько роз удовольствий на дороге жизни, но тем не менее не отставать от прогресса. Ни в одном городе на юге Рождество не встречают с такой радостью, с такими приятными социальными достижениями, с таким широким обменом дружескими дарами и вообще с таким всепоглощающим весельем, как в Хаустоне. Громадные толпы людей, заполнившие тротуары наших улиц и магазины за последнюю неделю, — наглядное тому свидетельство.

Вчера, пожалуй, у торговцев был самый взбалмошный день, которого не было в течение всего сезона, и ни у кого нет никаких сомнений, что он не обманул самых восторженных ожиданий всех детишек.

Остановимся на несколько минут на углу улицы, понаблюдаем за прохожими.

Они непрерывно движутся, как муравьи у мура-

вейника, одни уходят, другие приходят, вступая в этот запутанный бесконечный лабиринт и выходя из него. Когда боги глазеют с края верхушки на Олимпе на мир под ними, когда официант наполняет их бокалы приторным нектаром, их, должно быть, сильно забавляет та небольшая комедия, которая разыгрывается на подмостках земли. Наш мир, вероятно, кажется им большим муравейником, по которому мы, сталкиваясь в толчее, ползаем и разбегаемся по сторонам — туда-сюда — по-видимому, без всякой цели и без всякого плана.

Эта светлая полоска на небе, которую мы называем Млечным Путем, всего лишь разбрызганная пена из высоких кружек с нектаром, которые боги осушают большими глотками и посмеиваются над нашими странными ужимками. Но ведь сейчас канун Рождества, и какое нам дело до их смеха? Зажгите все огни, поднимите занавес, и вот перед нами — нарядная рождественская толпа!

* * *

Вы когда-нибудь наблюдали за тем, как молодая леди покупает рождественский подарок своему отцу? Если нет, то вы много потеряли.

В общем-то все они ведут себя одинаково. Фактически все молодые леди, покупающие подарки для отцов, осуществляют такую операцию совершенно одинаково, точно так, как они читают роман, подогнув под себя одну ногу. У девушки всегда есть для этого два доллара, которые ей дала мать, она и подсказала идею. За день до Рождества молодая леди поздно днем выходит из дома. Прежде она направляется в ювелирный и там разглядывает на нескольких подносиках россыпи наручных часов, украшенных бриллиантами, и все прочие чудеса ювелирного искусства, которые ее папаше наверняка хотелось бы иметь. Потом, осмотрев около сотни перстней с бриллиантами, она вдруг вспоминает, сколько у нее в наличии денег, тяжело вздыхает, идет в магазин одежды, где внимательным взглядом изучает мужскую домашнюю куртку за восемнадцать долларов и пальто за сорок. Продавцу она говорит, что не будет спешить с покупками, еще подумает, и уходит. После этого девушка посещает книжный магазин, еще три магазина мужской одежды, два ювелирных и кондитерскую лавку. Когда на Рождество наступает утро, то ее отец обнаруживает, что он стал гордым владельцем новой красной суконки для очистки пера с тщательно закрашен-

ной ценой — пятнадцать центов, пары перчаток в длинном картонном футляре и коробки вкусных шоколадных конфет.

* * *

Этот полный человек, который везет домой свою красную тележку, эту страну считает заграницей. Этот обычно напыщенный человек гордится тем, что «сам себя сделал», и любит подчеркнуть свой демократизм, сам доставляя свои узлы домой. Он толкает тележку впереди себя и прокладывает себе путь через толпу с видом «гражданина, поднявшегося из низов», и это весьма забавно наблюдать.

А как девушки в своих плащах с поднятыми воротниками смеются, болтают и, глядя на витрины, не устают восклицать «Ах!» и «Ох!» по поводу всего, что там видят! Если вы окажетесь рядом с ними, то непременно услышите что-то вроде этого:

«Ох, Мэйбл, ты только посмотри на это чудное колечко… он сжал мою руку и сказал… настоящий котик! хотя я знаю, что это плюш, и, если папа даст мне еще пять долларов, я его куплю, повешу на окна — они, конечно, будут висеть гораздо дольше твоих, старая хитрюга… Боже правед-

ный!.. Бель, позволь, я тут приколю у тебя… папа спросил его, где же взять яйца ему на завтрак, а Чарли вдруг разозлился и убежал рано, даже часы не пробили… нет, я ношу вот такие, объемом шестнадцать дюймов… ах, только посмотрите на этот миленький мех — его забыли побрить, и он царапается… мы с тобой, Лил, поторгуемся… Том говорит… если пустить вокруг кружева, то… да, пошли, подруги, давайте…»

Шум проезжающего трамвая заглушает все остальное.

На улицы высыпали все детишки.

Вы никогда не задумывались над тем, что дети — самые мудрые философы в мире? Они замечают просто чудесные вещи, выставленные в витринах для продажи; они с самым серьезным видом выслушивают рассказы о Санта-Клаусе, даже не пытаясь анализировать ситуацию, они радуются, радуются от души; они никогда не вычисляют высоту дымохода или длину саней Санта-Клауса; они никогда не озадачивают себя вопросом, как этот старик получает свои подарки из магазинов, они даже не обсуждают, как этому старику удается совершить свой подвиг — спуститься по дымоходу в каждый дом страны, причем в одну и ту же ночь.

Если бы взрослые не пытались понять, проанализировать гораздо менее важные вещи, которые до сих пор остаются для них тайной, они могли бы быть куда более счастливыми.

* * *

На Мэйн-стрит в Хаустоне стоят двое, и один говорит другому:

— Знаете, мне нужна ваша помощь. На это Рождество мне хочется отплатить своей жене той же монетой, но я не знаю, как это получше сделать. Последние пять лет она на Рождество дарит мне дорогие подарки, которые мне абсолютно не нужны, но весьма подходят ей самой. Она делает только вид, что покупает для меня, а на самом деле приобретает то, что ей нужно самой, и таким образом использует рождественские подарки в качестве прикрытия для своих истинных замыслов и личных интересов. Однажды она купила мне очень красивый шкаф, в котором, однако, развесила все свои платья. В другой раз она мне подарила китайский чайный набор, потом — фортепиано, а на прошлое Рождество купила мне женское седло, так что мне пришлось покупать для нее лошадь. Так вот на это Рождество я хочу, чтобы она купила подарок только для меня,

такой, который могу использовать я и который будет ей абсолютно бесполезен.

— Гм… — произнес задумчиво другой. — Да, непростая задачка. Нужно подумать. Вы хотите что-то такое, что она не сможет использовать. Есть идея! Закажите себе готовые брюки и подарите их ей!

— Нет, это не пойдет, — охладил пыл второго первый, покачав головой. — Она их напялит и через десять минут потребует купить ей велосипед.

— Ну, в таком случае, подарите ей бритву, ей она ни к чему.

— Неужели? Но у нее на ногах три мозоли!

— Ну вот! Выходит, нет ничего такого, что полезно для вас и не подходит ей.

— Что-то мне не верится. Но в любом случае пойдем, хоть что-нибудь да купим…

* * *

В витрине магазинов зажигаются яркие огни, и перед ними собирается все больше народа.

Для многих любование товарами, выставленными в витринах, является единственным рождественским удовольствием. Многие из провинции, из маленьких городков, расположенных

на четырнадцати железнодорожных ветках, которые ведут к Хаустону. Какой-то сельский парнишка, раскрыв рот, с выпученными от удивления глазами, с трудом пробирается сквозь толпу. За ним, крепко удерживая его за руку, тащится Арамита, в ярком цветастом деревенском наряде, смотрит через очки зачарованными глазами на все это сказочное великолепие на Мэйн-стрит. Когда они вернутся домой, в Гальвестон, то еще долго будут вспоминать чарующее великолепие большого города, который когда-то посетили на Рождество.

* * *

Человек с торжественным видом, в шелковом цилиндре, в черном красивом сюртуке, протискивается через толпу. Можно подумать, что это какой-то городской магнат, который идет домой, или священник, вышедший на улицу, чтобы изучить идиосинкразию человеческой природы. Вдруг он открывает рот и нараспев, визгливым голосом начинает зазывать покупателей: «Вы только подумайте, как удивится мамми, когда ее маленький Вилли придет домой с усами, точно такими, как у папы, — так что немедленно покупайте, торопитесь, ребята. Это чудесные усы,

их можно крутить, сгибать, тащить в сторону и причесывать расческой, как настоящие. Ну-ка, навались, ребята!»

Он ловко цепляет к верхней губе под носом черные усы с чудесными завитками с обоих концов, иногда ему удается продать свой товар какому-нибудь мальчишке, который робко совершает свою рождественскую покупку.

На краю тротуара стоит какой-то неказистый невысокий человек, который предлагает «самую чудесную игрушку века, которая вызывает больше откликов и восторга, чем любой предмет, выставленный на Всемирной ярмарке». Толпа осаждает его, и все наперебой покупают так разрекламированный товар. Но никто и не предполагает, что всего в двадцати шагах от продавца в хаустонском магазине игрушек эта игрушка уже лежит на полке многие годы.

* * *

На углу улицы стоит группа, ну, скажем, молодых людей. На всех — новые, модные пиджаки с отложными воротничками, а в петлице — цветок хризантемы. Цилиндры у всех съехали на затылок и впереди у каждого низкая челка. Они разглядывают проходящих мимо девушек.

Как был бы рад Чарлз Диккенс встрече с этими молодыми людьми! Но, увы, он умер, так и не завершив до конца своего естественного отбора. Давайте прислушаемся к отрывкам того, что считается у них беседой, которые можно уловить в их гоготе:

«Чертовски хороша девица, но, кажется, слишком… сигарету?.. кажется, я тебе должен одну… да, очень красивая девица, но… какой красивый галстучек, лучший из всех… я бы заплатил за пансион, но… увидали мой элегантный костюм и вышибли меня в два счета из гостиной — у меня в кармане ни цента, а у этой девицы, конечно, деньги есть… старик говорит, что мне нужно работать… ты только посмотри на эту блондинку с… она мне улыбнулась, а теперь вон на ту маленькую с голубыми глазками… но старик дал мне по мозгам — я теперь с ним не разговариваю… нет, нет, вон там брюнетка в белом… я, по правде говоря, озверел и сказал: будь ты проклят… конечно, пуговицы в виде запонок…»

* * *

На углу сидит женщина в синих очках и крутит ручку шарманки, на которой стоит ламповое стекло, а внутри горит сальная свеча.

Почему свеча — наблюдателю то неведомо. Рядом съежился бледный маленький мальчик. Какой-то филантроп наклоняется к нему, зажав между пальцами никель. Где-то далеко среди девственной природы в Олвине у него тоже есть мальчик приблизительно такого же возраста, сердце у него при виде этого малыша смягчилось. Вдруг малыш вскакивает на ноги. В зубах у него сигарета, и он внезапно бросает под ноги филантропу шутиху. Она взрывается, мальчик ревет от восторга, а филантроп бормочет: «Будь проклят ваш пацан!» — и сохраняет никель на пиво.

* * *

У витрины стоит женщина и взирает своими размытыми глазами на блестящие бриллианты и сверкающие золотые изделия. По ее черному платью можно догадаться, что она вдова. Всего год назад она с уверенностью опиралась на сильную мужскую руку, с любовью, гордостью и радостью. Сегодня эта надежная рука под землей в могиле на церковном кладбище превращается в прах. И все же женщина не на краю отчаяния. Она предается приятным воспоминаниям о своем возлюбленном, который всегда поддерживал ее, и, кроме того… она держит за руку человека, за

которого выйдет замуж, как только срок траура подойдет к концу. Она выбирает в витрине для себя обручальное колечко.

* * *

Полицейский маячит в тени навеса с дубинкой в руке, готовый нанести удар.

Через две двери от него живет Олдерман, член муниципалитета, который голосовал против его дальнейшего пребывания в полиции. Совсем скоро сынок Олдермана выйдет из дома на тротуар, чтобы поставить на Рождество свечку в храме, и вот тогда полицейский и нанесет свой удар: муниципальное постановление будет вынесено, а мальчик с разбитой головой унесен.

* * *

Человек подходит к продавцу в магазине модных дорогих товаров.

— Хотелось бы кое-что приобрести для моей тещи, — говорит он. — Думаю…

— Джеймс, — крикнул продавец, — покажи этому джентльмену отдел, где все продается по пять центов.

Торговцы, знающие своих покупателей в лицо,

заранее знают, что тем нужно.

Человек, явно священнослужитель, входит в бакалейную лавку, которая находится рядом с салуном. Продавец готов его обслужить, он покупает на десять центов мясного фарша для пирожков, после чего мнется, откашливается.

— Что-нибудь еще? — вежливо осведомляется продавец.

Церковник теребит свой батистовый галстук и говорит:

— Завтра ведь Рождество, вы знаете, день святочных мыслей, день мира на земле, и-и-и наши сердца должны возносить хвалу и исполнять рождественские гимны, однако нужно ведь обедать, ну а мясные пирожки, вы знаете, они нравятся в моей семье только маленьким, ну, фарш я взял, может, я думал, у вас найдется что-нибудь для приправы, для вкуса, ну, капелька-другая…

— Послушай, Джимми, — рявкнул продавец, — пойди в салун рядом, следующая дверь, и принеси этому джентльмену бутылку виски.

* * *

Рождество дарит радость многим людям; оно освещает ярким светом жизнь тех, кто редко пользуется солнечным теплом; им, однако, мно-

гие злоупотребляют, превращая его в источник попойки и греха; но для самых маленьких оно всегда будет источником вечной радости, так что пусть гудят маленькие рожки и выбивают дробь красные барабаны, ибо их беспокойные ножки, вместе с грязными маленькими ручками, первыми вступят в Царство Божие.

Счастливого Рождества всем!

1895

Канун Нового года, и как он наступил в Хаустоне

Случайные наброски, когда уходил старый год

Перевод Льва Каневского

Если мы искренне радуемся Новому году, то должны смотреть на него глазами оптимиста и воспевать ему хвалу языком раскаяния.

Мы должны изгнать из сердец холодную запо-

ведь, что история повторяется, и стремиться к вере, что пороки дня сегодняшнего будут вытеснены добродетелями дня завтрашнего.

Если фантазия нашептывает нам, что с двенадцатым ударом часов ровно в полночь старый порядок изменится, будет заменен на новый, в этом случае не станем перечить, отложим все сомнения, если только это возможно, и будем упиваться сказочкой, которую рассказывают нам весело звенящие новогодние колокольчики.

Произвольное деление человеком времени на часы, дни и годы не вызывает никакого заметного толчка или остановки, а колесо времени с бесшумной пневматической шиной катит себе и катит, отмеряя циклы лет. Никакому гвоздю на земле не проколоть этой шины. Старик Время — настоящий лихач, он едет без фонаря и без предупреждающего колокольчика. Годы, которые для нас являются мильными столбами, для него всего лишь гравий под обрезиненным ободом. Но для нас, за несколько дней до новогодней ночи, они являются предостережением и заставляют нас отметить час на циферблате великих часов, стрелки которых тихо, неумолимо движутся вперед и никогда не поворачивают вспять.

Новый год, конечно, праздник женский. Но

в нашем мире настолько все безнадежно перемешалось, что, несомненно, очень трудно определить, какого рода время. И в который раз можно сказать, что Новый год — это вам не херувимчик-дебютант с глазами, наполненными радостью пророчества, а мрачная древняя старая дева, которая уютно устраивается среди нас с легкомысленным хихиканьем, немного помолодев по такому случаю. Мы с незапамятных времен повинуемся тем же чарам, мы нашептываем приятные, бессмысленные пустяки, предназначенные для тех же ушей, и сколько новых лун взошло на небе с той поры. Мы сами в прошлом снимали краску и слой пудры с этих старческих щек, надеясь навести на них румянец молодости. Ну почему бы нам вновь не поддаться привычной иллюзии? Давайте скажем снова, что она такая красивая, такая свеженькая, словно занимающееся утро, и устроим для себя сезон веселья и тихой радости.

Смычки ударяют по струнам скрипок, вздыхают гобои. Дай же руку, славный, застенчивый Новый год, — не забудь только о ревматизме своего колена, — давайте встретим его, когда радостные колокола провозглашают очередной дебют под номером 1896.

* * *

Последний день уходящего года обычно проводят, откладывая про запас как можно больше того, что может пригодиться на следующий день для торжественных клятв.

Куда легче отказываться от чего-то, когда у тебя всего полным-полно. Как просто в Новый год, сразу после праздничного обеда, когда в голове полно важных решений, а в желудке — индюшатины, опуститься на колени и торжественно поклясться, что больше никогда не притронетесь к пище. Человек, который утром в славный день Нового года стоит, дрожа от страха, на середине стола, а змеи с ядовитыми ящерицами весело играют на полу в жмурки, без особого труда способен отказаться от кубка с переливающимся напитком. Темно-красный, с пупырышками-заклепками медного цвета, орган вкуса, известный всем медикам-профессионалам под названием «нью-йоркский язык», — он является большим стимулом для любой реформы.

Прекрасная, похожая на сирену сигара, подаренная на Рождество, на которую любо-дорого глядеть, стоит ее зажечь, начинает сворачиваться, словно змея, жалить нас, вырывая у нас клятву

покончить с Леди Никотин раз и навсегда.

Когда мы пытаемся сесть в кресло-качалку на малиновую подушку с ручной вышивкой, подаренную нашей тетушкой-девицей, и, соскользнув с нее, приземляемся на пол на позвоночник, то мы готовы опуститься на колени и, зажав кинжал между зубами, торжественно поклясться самими небесами, что больше на эту треклятую подушечку никогда не сядем.

Когда мы выходим на улицу в галстуках, подаренных нам женой, а какой-то бездельник на углу спрашивает: «Это что еще такое?», а разносчик газет вопрошает: «Что это у вас за штуковина?», то стоит ли удивляться, что мы проклинаем привычку носить галстук, как самого отъявленного врага человечества, и утром в день Нового года торжественно клянемся отказаться от галстуков навсегда?

Когда мы прощаемся и, сцепив зубы, бредем домой в рубашке, сшитой прекрасными ручками нашей партнерши по супружеской печали, то чувствуем, что воротник на ней гораздо уже того, который был у ныне покойного, оплакиваемого всеми Гэрри Хейворда, а нижний конец рубахи короче любой популистской передовицы, а грудь вся в складках, которые топорщатся, как на фарту-

ке цветного повара в День эмансипации, рукава волочатся по полу, а вам при этом говорят: «Ах, как хорошо, мой дорогой, именно этого я добивалась», то стоит ли удивляться, что мы клянемся именами Господа, Авраама и Якова под звон нью-йоркских новогодних колоколов, что никогда не будем носить вещь, сделанную руками той половины обитателей земли, которая усаживается на пол, чтобы надеть туфли, а туловище мужчины использует как удобную мусорную корзинку для разорванных, полусгнивших простыней?

Ах, сколько же восторженных клятв мы даем в день Нового года!

* * *

Когда бесцельно бредешь по улицам Хаустона в последний день старого, 1895 года, то немногие сценки и звуки привлекают внимание, передавая дух времени, а едва прослушивающийся пульс указывает на общий тонус рода человеческого.

Уже около шести вечера, и по тротуарам движется оживленная толпа. Вот идет красивая маленькая продавщица, такая стройная, такая опрятная, как на картинке из журнала мод. На ее широкополой шляпке колышутся перья, а ее низкие каблучки весело стучат по асфальту:

тик-так-тик-так. Веселая, жизнерадостная, смешливая, она идет ужинать и, кажется, весьма этим довольна и счастлива. Проходя мимо витрин ювелирного магазина, она бросает на них косые взгляды. Вероятно, надеется, что в один прекрасный день на ее белоснежном пальчике появится один из выставленных там сияющих бриллиантов. Губки у нее изгибаются, на них появляется многозначительная улыбка. Она думает сейчас о красивом, элегантно одетом мужчине, который очень часто подходит к ее прилавку в большом магазине, где она работает, чтобы купить у нее товары. Какой он величественный, великолепный, какие у него говорящие глаза, какие чудные усы! Она не знает, как его зовут, но не беда, зато она знает, что он интересуется товарами, которые она продает. Какой у него мягкий голос, когда просит назвать цену того или этого товара, и с каким романтическим, глубоким чувством он говорит, что «если на небе будет много облаков, то наверняка пойдет дождик». Интересно, где он сейчас? Она заворачивает за угол и там нос к носу сталкивается с ним. Она вскрикивает от неожиданности, но затем лицо ее твердеет, а в глазах появляется холодок.

На руке у мужчины громадная корзина, из

которой торчат похолодевшие, раздвинутые в отчаянии ножки индейки, которая совсем недавно распростилась со своей душой. Ярда на два за ним — хвост из сельдерея, зеленый турнепс, цветная капуста и желтоватый ямс удобно устроились, словно в гнездышке, у него в корзине. На лице — невообразимое смущение, на нем отражаются красноватые сполохи нечистой совести, в его глазах с романтическим оттенком она читает старую историю о только что женившемся холостяке, а за руку он ведет маленького мальчика с приплюснутым носиком.

Она вскидывает свою красивую головку и, глупо склонив ее набок, громко бросает про себя только одно слово: «Женат!» — и тут же исчезает.

Он перекладывает печальный, холодный трупик индейки на другую сторону корзины, хватает своего мальчонку с приплюснутым носиком, проносит его пару шагов по воздуху, а сам в это время дает торжественную клятву, что больше никогда не пойдет в супермаркет в течение всего радостного и счастливого нового, 1896 года.

Канун Нового года.

* * *

Гражданин беспокойно меряет шагами свою гостиную. Вероятно, он чувствует, что развязка близка, ибо лицо у него напряжено, его руки нервно то сжимаются, то разжимаются, он их то и дело сцепляет за спиной. Он чего-то напряженно ждет. Вдруг дверь отворяется, и в комнату входит их семейный доктор, он все время улыбается и вид у него какой-то праздничный. Гражданин направляет на него вопросительный взгляд.

— Все прошло отлично, — сообщает ему доктор. — У вас тройня, все мальчики и все превосходно себя чувствуют.

— Тройня? — переспрашивает в ужасе гражданин. — Тройня!

Он опускается на колени и, словно в лихорадке, восклицает:

— Завтра — Новый год, а сегодня я торжественно клянусь, что…

Слышится веселый перезвон новогодних колоколов, словно аккомпанирующих принятому им решению.

* * *

Люди приходят, люди уходят.

В магазинах, выставивших на продажу последние свои рождественские товары, можно увидеть то сословие людей, которые на Рождество получают подарки, а сами ничего не дарят, и теперь они пытаются, пусть и поздно, загладить свою вину, чтобы исправиться к Новому году. Новогодний подарок — это, конечно, форменный обман, в нем столько же душевной теплоты, сколько в похвалах на страницах «Нью-Йорк сан».

Две дамы стоят у прилавка в магазине распродаж, ведут оживленную беседу, правда, в низком, злопыхательском тоне.

— Она прислала мне на Рождество, — говорит одна, — маленький старый никелевый подносик для визиток, а мне известно, что купила она его в лавке у одного афериста. Клянусь Господом, я и не думала ничего покупать для нее, но теперь-то мне нужно сделать ответный жест — что-то послать и ей за эту старую вещицу, но только не знаю, что именно выбрать для нее. Нужно подумать… ах, да! Теперь я знаю. Говорят, она была горничной в отеле «Святого Людовика» до того, как вышла замуж. Так я пошлю ей вот эту

маленькую серебряную булавку с маленькой метелкой на ней. Интересно, хватит ли у нее ума понять мой намек?

— Надеюсь, что поймет, я даже уверена в это, — сказала другая. — Я вспомнила в связи с этим, как Джордж подарил мне на Рождество красивое новое манто, а я совсем забыла о подарке для него… Сколько стоят вон те роговые застежки для воротничка?

— Пятнадцать центов за дюжину, — отвечает продавец.

— Погодите, дайте подумать, — говорит, словно раздумывая, леди. — Да, я их возьму. Джордж всегда так добр ко мне. Дайте, пожалуйста, три застежки.

* * *

«Viva el rey; el res esta memento!»[2]

Испанская фраза куда, на наш взгляд, лучше избитой французской, и она верна, хотя и старательно пересмотрена одним из самых надежных дилеров, связанных с таким яством, как толченая кукуруза с мясом и красным перцем. Старый год уходит, давайте встречать Новый. В счастливых

---

[2] Примечания: 2

Да здравствует король; говядина в память! *(исп.)*

домах Хаустона обитатели в легком танце проводят последние часы под пучками остролиста и омелы на стенах, а за ними, за этими стенами, собираются те, кто наследует нужду, нищету и заботы, те, которым Новый год не сулит ни большой радости, ни надежды.

Два молодых человека бредут по тротуару на Престон-стрит. Один поддерживает другого под руку, ведет его. Тротуар кажется средоточием лощин и излучин, он извивается среди пригорков, впадин и запутанных лабиринтов. Один из молодых людей думает, что он умирает. Другой в этом не очень уверен, но надеется, что его приятель не ошибается. Оба они — большие друзья по старому году, и им невмоготу видеть, как быстро он проходит, как бы им хотелось собрать все свои беды и печали в один мешок и бросить его в воду, утопить.

— Прощай, мой дорогой друг, — говорит тот, кто умирает. — Уходи, оставь меня умирать здесь, в этой безграничной прерии. Песок жизни высыпается, как и все остальное. Этот цыпленок с салатом сделал свое черное дело. Теперь я больше никогда не увижу ни мамочки, ни папочки.

— Боб, — говорит ему другой, — ты настоящий идиот. Не смей умирать. До этого города Хаустона

осталось не больше десяти миль. Мы находимся на ипподроме Гарвея Вильсона и идем по кругу. Неужели твоя мать не воспитала тебя для страны?

— Нет, не могу, старик. Все мои конечности холодеют. В глазах у меня темнеет, весь мир ускользает от моего взора. Почему бы мне не помолиться, старик, до того, как последняя искра жизни погаснет во мне? Почему бы тебе не сказать: ложись и усни, а, Джим?

— Не будь дураком, Боб, пошли. Как только дойдем до города Хаустона, там выпьем.

— Джим, я уже мертвец. Я был злым человеком, много врал, играл в покер. Для такого человека, как я, больше нет порядочного, честного общества. Я был порхающей бабочкой и загубил сердца семидесяти пяти любящих созданий. Послушай, Джим, я слышу, как поют ангелы, как они играют на арфе, я вижу яркий небесный свет, вижу, как все цвета радуги отходят от золотых ворот. Неужели, Джим, ты не слышишь этот сонм поющих ангелов, не видишь яркого света Нового Иерусалима?

— Боб, ты — законченный идиот, разве ты не знаешь, что это поет Армия Спасения, а свет — это электрические лампочки «Эд-Киама». Теперь я

знаю, где мы. В следующем квартале есть пять салунов.

— О, Джим, ты спас мне жизнь. Ну, давай сделаем еще одно усилие, перед тем как я умру, и попроси бармена бросить в мой стакан побольше льда.

* * *

Полночь близится не спеша, и, хотя некоторые встречают приход Нового года веселым разгулом, другие уносятся в страну мечты и позволяют ему приближаться тихо, без громких оглашений.

Леди, которым за тридцать, с мрачным видом склоняются с безжизненным блеском в глазах над статьей в «Воскресной газете», в которой рассказывается, как нужно бороться с морщинами, и лишь печально покачивают головами, когда читают, что знаменитая французская красотка мадам Бонжур сохранила красоту и молодость до ста десяти лет, так как постоянно пользовалась бальзамом «Бункер Банко».

Новый год приближает для них печальную перспективу обнаружить еще один седой волосок или вороний черный кружок под глазом.

Для всех не очень заметных людей приход Нового года — это лишь продолжение Рождества, и

они переворачивают еще один лист в книге своей жизни спокойно, без дурных предчувствий.

Счастливого Нового года всем!

1896

Рождественский чулок Дика Свистуна[3]

[3] Примечания: 3
Это первый рассказ, подписанный псевдонимом О. Генри.

Перевод Елены Сурис[4]

Дик Свистун с величайшей осторожностью приоткрыл дверь товарного вагона, ибо статья 5716 городского устава предусматривала (возможно, вопреки конституции) арест всякого подозрительного лица, а Дик чуть не наизусть знал этот устав. Поэтому, прежде чем выбраться из вагона, он окинул взглядом окрестность, как генерал поле боя.

Город не изменился со времени его последнего визита: все тот же многострадальный, странноприимный южный город, рай для продрогших бродяг. На насыпи, там, где стоял вагон, громоздились темные груды товаров. Ветер пропах знакомой вонью от старого брезента, укрывавшего тюки и бочки. Мутная река[5], вкрадчиво урча, скользила мимо судов. Ниже по течению у Шалмета[6] была большая излучина — Дик видел ее по огонькам фонарей. На другом берегу длин-

---

[4] Примечания: 4

Елена Александровна Сурис (Богатырёва; 1929–2022) — переводчик прозы и драматургии с английского, немецкого, французского, шведского, норвежского и датского языков; лауреат ряда премий за достижения в области художественного перевода: «Инолит» (1994, 2010), премии Британского Совета «Единорог и лев» (2006), «Мастер» (2007).

[5] Примечания: 5

Мутная река — Миссисипи.

[6] Примечания: 6

Шалмет — национальный исторический парк в Новом Орлеане.

ной кляксой лежал Алжир[7] особенно темный на фоне светлеющего неба. Трудолюбивые баржи, спешащие к утренним рейсам, истошно гудели, будто возвещая рассвет. Итальянские люггеры, груженные ранней зеленью и моллюсками, ползли к своему причалу. Смутным подземным гулом уже доносился сюда шум трамваев и телег; и паромы, золушки судоходства, нехотя приступили к своей черной работе.

Рыжая голова Свистуна вдруг скрылась в вагоне. Взор его не вынес ослепительного зрелища: огромная, несусветная фигура полисмена показалась из-за мешков с рисом и остановилась шагах в двадцати от вагона. Ежедневная мистерия рассвета, разыгрываемая над Алжиром, удостоилась внимания великолепного представителя муниципальной власти. С неколебимым достоинством он разглядывал занимающееся зарево, покуда наконец не поворотил ему спину, решив, по-видимому, что солнце обойдется без вмешательства закона и пусть его встает. Затем он оглядел мешки с рисом, извлек из кармана плоскую флягу и, запрокинув голову, стал обозревать небесный свод.

---

[7] Примечания: 7
Алжир — пригород в Новом Орлеане.

Дик Свистун, по профессии бродяга, был почти на дружеской ноге с этим должностным лицом. Они уже не раз встречались на набережной, так как полицейского, тоже любителя музыки, привлекал изощренный свист жалкого оборванца. Однако же сейчас Дику не очень-то хотелось возобновлять знакомство. Одно дело встретиться с полицейским на заброшенной верфи и просвистеть с ним вместе арию-другую, а совсем иное дело попасть к нему в лапы возле товарного вагона. Поэтому Дик стал ждать, пока тот сдвинется наконец с места — ибо неумолимому закону движения подвластны даже новоорлеанские полисмены, — и скоро Каланча Фриц величественно исчез за составами.

Дик Свистун выждал еще ровно столько времени, сколько подсказывало ему благоразумие, а потом проворно спрыгнул на землю. Приняв — по мере возможности — вид честного труженика в поисках насущного заработка, он зашагал через рельсы, собираясь направить свои стопы по тихой Жиро-стрит к условной скамейке в сквере Лафайетта, где, согласно договоренности, он рассчитывал встретиться с дружком по кличке Ловкач, отважным пилигримом, на сутки опередившим его в вагоне для скота, куда завлекла его

отставшая филенка.

Пробираясь между больших, вонючих, затх лых пакгаузов, где еще залегла ночь, Дик уступил привычке, которой был обязан своим прозванием. Тихий, но четкий в каждой ноте, как соловьиная трель, свист зазвенел прозрачно и нежно, будто среди скучных кирпичных громад запрятан водоем и туда стекают певучие дождевые капли. Сперва Дик завел было один мотив, но он тотчас утонул в вихре импровизаций. Тут слышалось и журчание горного ручья, и дрожь камышей над зябкой заводью, и голос сонной птахи.

Завернув за угол, Свистун наткнулся на синюю гору, утыканную медными пуговицами.

— Так, — спокойно заметила гора, — ты уже вернулься. А до мороза еще две недели остаться. И свистеть ты разушился. Свальшивил в последней такте.

— Да чего ты понимаешь, — отвечал Дик Свистун, отважившись на фамильярный тон. — Чего ты понимаешь в музыке? Вот давай еще послушай. Я во как свистел — слышь?

Он уже вытянул губы для свиста, но не тут-то было.

— Штой, — сказал верзила-полицейский. — Сначала научись. И сначала понимай, что в

рваной кармане только ветер свищет и бродяга всегда будет свистеть в кулак.

Рот Фрица, пышно обрамленный усами, сложился в дудочку, и из недр его вылился звук, густой и сочный, как пение фагота. Он воспроизвел несколько тактов того мотива, который насвистывал Дик. Исполнение было холодноватое, но верное, и он особенно выделил покоробившую его ноту.

— Зи тут простое, а не зи-бемоль. Кстати, скаши спасипо, што меня встретиль. Еще час, и я бы засадиль тебя за решетку; посмотрим, как бы ты в клетке свистель. Есть приказ после восход хватать каждый бестельник.

— Чего-о?

— Хватать каждый бестельник, кто не зарабатывай на хлеб. Тридсать дней или пятнадсать доллар штраф.

— Да ты правду говоришь-то или шутки шутишь?

— Послушай самый допрый совет. Я ведь знаю, ты не такой плохой, как другие. И «Der Freischutz»[8] свистишь лучше, чем я сам. Но польше не натыкайся на полицай и поскорей удери

---

[8] Примечания: 8

«Вольный стрелок» — романтическая опера Карла Марии фон Вебера (1821).

из город. До свидания.

Значит, мадам Орлеан наскучил беспокойный чужой выводок, который ежегодно мостился к ней под теплое крылышко.

Когда огромный полицейский ушел, Дик Свистун сперва помедлил, оскорбленный в лучших чувствах, точно выгоняемый из квартиры безденежный жилец. Он-то размечтался, как славно будет ему уже после встречи с дружком, без трудов и хлопот; с утра послоняться по пристани, подбирая рассыпанные при разгрузке бананы и кокосы; потом подкрепиться у стоек с бесплатной закуской, от которых беспечным хозяевам станет жалко или лень его отгонять; потом попыхтеть трубкой где-нибудь в парке под цветущим кустом и, наконец, прикорнуть в темном уголке на верфи. Но — ничего не поделаешь — его изгоняли строгим приказом. А потому, вовсю избегая встречи с синими мундирами, он начал отступление к сельскому прибежищу. И в деревне можно продержаться, только бы морозом не прихватило, а все прочее не беда.

Однако же Дик Свистун шел по старому Французскому рынку в глубоком унынии. Безопасности ради он старался не выходить из роли честного мастерового, направляющегося на рабо-

ту. Кто-то, не поддавшись на удочку, окликнул его из рядов: «Эй, бездельник!» — и, когда удивленный бездельник оглянулся, торговец, растаяв от этого доказательства собственной проницательности, пожаловал ему ломоть хлеба, две сосиски, и проблема завтрака тем самым была решена.

Когда улицы, волею топографии, стали уклоняться от берега, изгнанник взобрался на насыпь и пошел дальше исхоженной тропкой. Пригородное око недоверчиво его сверлило, в каждом встречном жил суровый дух беспощадного нового указа. И нельзя было спрятаться от этих назойливых глаз, затеряться в толпе.

Так прошел он наобум шесть миль, и возле Шалмета его ошарашила грозная картина: тут строили новый порт, заканчивали пирс. Ходили лебедки. Тачки, кирки, лопаты со всех сторон нацелились на него, как удавы. Важный десятник оценивающе смерил его взглядом, как вербовщик новобранца. Чернокожие, темнокожие — все трудились в поте лица. Он в ужасе бежал.

К полудню он добрался до плантаций — большой, печальной, молчаливой равнины, раскинувшейся подле могучей реки. Он оглядел поля сахарного тростника, огромные, без конца и края. Был самый сезон производства сахара, работали

сборщики; телеги уныло скрипели им вслед; негры-погонщики ободряли ленивых мулов отборной и мелодичной бранью. По темным рощам, дальним и оттого подернутым синевой, можно было угадать, где жилье. Высокие трубы сахарных заводов вонзались в небо далеко одна от другой, как маяки на море.

Вдруг безошибочный нюх подсказал Свистуну, что неподалеку жарится рыба. Как пойнтер на куропатку, устремился он вниз по насыпи, прямо к костру легковерного и почтенного рыбака, которого он пленил своими рассказами и потому отобедал по-царски, а затем по-философски свел на нет три худших дневных часа, вздремнув под деревом.

Когда он проснулся и продолжил свой исход, сонное тепло дня сменилось острым холодком, и такое предвестие промозглой ночи заставило скитальца ускорить шаги и призадуматься о ночлеге. Он шел по дороге внизу насыпи, послушно повторявшей все ее повороты и ведущей неведомо куда. По бокам, до самой колеи, она заросла кустами и буйной травой, и из этой засады взлетала и кружила над Диком несносная мошкара, жужжа гнусными, тоненькими голосками. И по мере того, как подступали тьма и холод, кома-

риный плач превращался в жадный, надсадный вой, вытеснявший остальные звуки. Справа от Дика на фоне неба, как на экране, всплыл зеленый огонек, потом мачты и трубы идущего в порт парохода. А слева были таинственные топи, откуда неслось странное гуканье и придушенные стоны. Чтоб разогнать злых духов, Свистун пустил веселую трель, — наверное, с тех давних пор, когда сам Пан наяривал на своей свирели, глухое уныние этих мест не нарушалось подобными звуками.

Сзади донесся неясный рокот, который почти тотчас обернулся быстрой дробью копыт, и Дик шагнул на росистую обочину, пропуская лошадей. Оглянувшись, он увидел ладную упряжку вороных и щегольскую коляску. Впереди сидел седоусый здоровяк и не спускал глаз с натянутых вожжей. Сзади помещались немолодая дама с добрым лицом и очень хорошенькая девушка, почти ребенок. Полость сползла с колен седоусого господина, и Дик заметил у его ног два здоровенных мешка — слоняясь по городам, Дик навидался таких мешков. Обычно их бережно вынимали из закрытых фургонов и вносили в двери банка. Кроме того, экипаж был до отказа набит свертками всевозможных видов и размеров.

Когда коляска поравнялась с бродягой, шалунья с блестящими глазами, уступив лукавому порыву, вытянула шейку, нежно, ослепительно улыбнулась и пропела дискантом: «С Рождеством вас!» Такое не часто случалось с Диком Свистуном, поэтому сначала он опешил и не знал, как тут надо ответить. Но долго размышлять было некогда, и он сделал первое, что пришло ему на ум: сорвал с головы продавленный котелок, широко взмахнул им и выкрикнул вслед улетавшей коляске громко, но уважительно: «Ишь как!»

Наклоняясь, девушка сдвинула один сверток, он развернулся, и на дорогу упало что-то длинное и черное; Дик подошел поближе и поднял новый тонкий шелковый чулок, роскошно и нежно зашуршавший у него в руке.

— Вот девка-то, а! — сказал Дик Свистун, и вся его веснушчатая физиономия расплылась в улыбке. — Нет, ты подумай, а? С Рожеством, стало быть, вас! Как кукушечка из часиков прокуковала. А вороные-то — до чего ж хороши, а старый-то мешки с деньгами пинает, будто с яблоками они сушеными. Накупили, выходит, всего к Рожеству, а она чулочек-то и оброни, какой Санта-Клаусу припасла. Вот девка-то! С Рожеством! Ты подумай! И так просто, как «здрасте вам», сказала, а

все одно заметно, что тонкая штучка.

Дик Свистун бережно сложил чулок и сунул в карман.

Только часа через два набрел он на жилье. За поворотом дороги показались строения огромной плантации. Он легко распознал обиталище хозяев в большом широком доме с высокими, яркими окнами, раскинутом на два крыла, сплошь опоясанные верандой. Дом стоял на ровной лужайке; из комнат лился неясный свет. Усадьба была обсажена прекрасной рощей. Вдоль стен и заборов рос густой, запущенный кустарник. Бараки для рабочих и склад располагались сзади, в некотором отдалении.

Вдоль дороги теперь с обеих сторон шла ограда, и, подойдя поближе к домам, Дик вдруг стал и принюхался.

— Или где-то тут готовят харч для нашего брата, — сказал он сам себе, — или мой нос уже ни к черту не годен.

Недолго думая, он перемахнул через ограду туда, откуда несся запах. Он попал на заброшенное место, где валялись кучи старого кирпича и всякого хлама. В уголке он заприметил отблеск почти выгоревшего костра, а вокруг него различил смутные очертания лежащих и сидящих

людей. Он подошел поближе и при свете вдруг вспыхнувшей головешки ясно разглядел оборванного толстяка в темной кофте и шапке.

— А малый-то, — пробормотал про себя Дик Свистун, — ну чисто Гарри Бостонец. Попытаю, не он ли самый.

И не успел он просвистеть несколько тактов фокстрота, как мелодия была подхвачена и тотчас окончилась особой руладой. Первый солист уверенно приблизился к костру. Толстяк поднял глаза и молвил хриплым, задыхающимся голосом:

— Господа, какой приятный сюрприз. К нашему обществу присоединился мистер Дик Свистун, мой старинный друг, за которого я полностью ручаюсь. Пусть слуга принесет еще один прибор. Мистер Свистун разделит нашу трапезу и тем временем объяснит, какому счастливому стечению обстоятельств мы обязаны его присутствием.

— И не надоест тебе язык-то чесать, Бостонец? Ну как по писаному! — сказал Дик Свистун. — Ладно, на приглашении спасибо. Попал я сюда, видать, тем же путем, что и вы. Меня нынче фараон шугнул. Работаете тут или как?

— Гостю, — сурово отвечал Бостонец, — не следовало бы оскорблять хозяев, покуда не набил

себе брюха. Чтоб не уйти несолоно хлебавши. Работаете! Ладно уж, я сдержусь. Мы пятеро — я, Глухой Пит, Моргунок, Пучеглазый и Том Индианец — вчера узнали, что мадам Орлеан задумала недоброе против заезжих джентльменов, топчущих ее грязные улицы. И как только их укрыли нежные крылья сумерек, окутывая их и всякое такое, мы пустились в путь. Моргунок, будь любезен, передай пустую банку от устриц господину с пустым желудком.

На следующие десять минут внимание туристов всецело поглотил ужин. В огромном пятигаллонном керосинном баке они изготовили жаркое, которое отведывали из менее крупных банок, подобранных на пустыре.

Дик Свистун давно знал Бостонца, и знал, что ловчей и удачливей его не найти во всей братии. По виду его можно было принять за деревенского лавочника со средствами или зажиточного гуртовщика. Крепкий, здоровый, круглолицый, он всегда гладко брился, аккуратно одевался и особенно исправно чистил башмаки. За последние десять лет он заслужил репутацию несравненного мастера по части мошеннических проделок и не уронил себя ни единым днем работы. Среди его соратников шел слух, будто он

скопил кругленькую сумму. Остальные четверо были типичнейшими представителями того обшарпанного, зачумленного племени, которое открыто красуется под этикеткой «подозрительные лица».

Вот они выскребли последние остатки жаркого, прикурили от головешек, а затем двое из них отвели Бостонца в сторону и стали ему что-то таинственно нашептывать. Он уверенно кивал, а потом обратился к Дику:

— Послушай, друг, разговор к тебе есть. Мы тут на дело выходим. Предлагаю вступить в долю. Получишь на равных с ребятами, только помоги. Двести работников завтра утром должны получить недельное жалованье. Завтра Рождество, и они хотят отдохнуть. Им хозяин сказал: «Поработаете с пяти до девяти утра, соберете сахару на целый поезд, и я с каждым расплачусь за неделю и еще за день в придачу». Они говорят: «Ура!» Он едет в Новый Орлеан и привозит наличные. Две тысячи семьдесят четыре доллара и пятьдесят центов. Это я узнал от одного малого, который не умеет держать язык за зубами, а ему сказал бухгалтер из банка. Хозяин думает, что он эти денежки выплатит работникам. Да только ошибается он. Он их нам выплатит. Они останутся,

как и положено, в руках у праздного класса. Половину возьму я, а другую половину вы разделите между собой. Ты спросишь почему? Я — автор. Я придумал план. Значит, так. У хозяев сейчас гости, но они к девяти уедут. Они на часок-другой заглянули. Если вовремя не уберутся, все равно будем исполнять мой план. Нам нужна целая ночь, чтобы смыться с долларами. Они тяжелые. К девяти Глухой Пит и Моргунок пройдут по дороге за домом четверть мили и подожгут поле, где тростник еще не убран. Ветер сейчас хороший, и оно разгорится за десять минут. Поднимется тревога, и все тут же сбегутся тушить пожар. А в доме останутся одни женщины, и денежки — к нашим услугам. Слыхал ты, как горит тростник? Так трещит, что ни одной женщине не перекричать. Дело верное. Только вот нас могут догнать уже с деньгами. Ну а если ты…

— Бостонец, — перебил его Дик Свистун и поднялся на ноги. — На угощении спасибо, а теперь я это… пойду.

— Почему же? — спросил Бостонец и тоже поднялся.

— На меня не рассчитывай. Так и знай. Оно конечно, я бродяга, а чего другого за мной не водится. Не мое это дело — грабить. Спокойной

вам, значит, ночи и спасибо на…

Дик уже отступил на несколько шагов, но вдруг остановился как вкопанный. Бостонец наставил на него крупнокалиберный револьвер.

— Прошу садиться, — сказал вожак, — хорош бы я был, если б из-за тебя испортил всю игру. Ты останешься тут, пока мы обстряпаем дело. Смотри, не двинься дальше той кучи кирпича. Шаг за кучу — и я вынужден буду стрелять. Лучше держись, брат, поспокойнее.

— А я всегда спокойный, — сказал Дик Свистун. — Мое дело такое. Опусти-ка свой револьвер, и будет тебе. Я это, как в газете пишется, остаюсь в ваших рядах.

— Ладно, — сказал Бостонец и опустил оружие, когда Дик снова сел на доску, торчавшую из штабеля дров. — Только не вздумай удрать. Я от своего счастья не откажусь, даже если придется ради него ухлопать старого приятеля. Сам я зла никому не желаю, но уж очень мне эта тысяча долларов кстати! Брошу бродяжить и открою бар в одном хорошем городке. Надоело мыкаться.

Гарри Бостонец вынул из кармана дешевые серебряные часы и стал разглядывать их у огня.

— Без четверти девять, — сказал он. — Ну, Пит, Моргунок, приступайте. Пойдете задами по доро-

ге и подожжете тростник со всех сторон. Потом взберетесь на насыпь, вернетесь по ней, а не по дороге, и никому не попадетесь на глаза. Когда вернетесь, все уже убегут гасить пожар, а мы сразу в дом, и — денежки наши. Давайте выкладывайте спички.

Пит и Моргунок отобрали спички у всей компании, причем Дик с большой готовностью внес свою лепту, и двое мрачных оборванцев при тусклом свете звезд двинулись в сторону дороги.

Двое из оставшихся, Пучеглазый и Том Индианец, уютно развалясь на кучах мусора, разглядывали Дика с нескрываемым осуждением. Бостонец, решив, что неверный никуда не денется, несколько ослабил свою бдительность. Свистун поднялся и стал бродить взад-вперед, строго соблюдая предписанные ему границы.

— А почему ты знаешь, — спросил он, останавливаясь перед Бостонцем, — что хозяин деньги-то домой привез?

— Я располагаю фактами, — ответил Бостонец. — Он ездил в Новый Орлеан и получил их сегодня, это точно. Что, передумал? С нами пойдешь?

— Нет, просто так спросил. У него какая упряжка-то?

— Пара вороных.

— Коляска?

— Угу.

— И женщины с ним ездили?

— Жена и дочка. Ты для какой газеты интервью берешь?

— Просто для разговору спросил. Вроде они меня это, на дороге обогнали.

Продолжая свою скромную прогулку подле костра, Дик нащупал в кармане чулок, поднятый на дороге.

— Вот девка-то, — пробормотал он, усмехаясь.

Между деревьями ярдах в семидесяти от костра он различил хозяйский дом. Сквозь большие окна лился мягкий свет, озаряя просторную веранду и часть лужайки.

— Что ты сказал? — встрепенулся Бостонец.

— Да так я, ничего, — отвечал Дик Свистун и беспечно пнул носком башмака камешек.

— Простая такая, — тихонько рассуждал странствующий музыкант сам с собою, — и веселая, и самостоятельная, и шику-то, шику! С Рожеством вас. Нет, ты подумай, а?

В столовой Бельмидской плантации между тем подавали обед.

Столовая со всем ее убранством говорила о том,

что прежние времена живут здесь не в памяти, а в обиходе. Посуда так поражала роскошью, что, не будь она к тому же старинной и изысканной, она могла бы показаться безвкусной; подписи тонких мастеров украшали портреты на стенах; кушанья тут готовили такие, что у любого гурмана потекли бы слюнки; гостей обносили бесшумно, проворно и обильно, как в те дни, когда слуги были собственностью, как сервизы. Имена, какими хозяин и гости адресовались друг к другу, значились в анналах двух наций. Манеры и разговор носили тот особенный характер простоты, что дается всего трудней, — простоты с соблюдением этикета. Хозяин служил, казалось, тем генератором, который вырабатывал главную долю остроумия и веселья. Молодежи нелегко было отражать огонь его добродушных насмешек. Правда, не один юноша отваживался штурмовать его укрепления в надежде завоевать улыбку дам; но даже если кто и посылал меткое копье, хозяин обрушивал на удачливого острослова такие громы хохота, что тот чувствовал себя побежденным. Во главе стола, невозмутимая, почтенная, благожелательная, царила хозяйка дома, к месту улыбалась, бросала нужное слово, ободряющий взгляд.

Беседа легко перекидывалась с одного на другое, и ее здесь трудно передать, но вот речь зашла о бедствии, занимавшем с недавних пор всех плантаторов в округе, — о бродягах. Хозяин не преминул осыпать жену градом шутливых упреков, обвиняя ее в том, что она способствует распространению заразы.

— Каждую зиму берег ими так и кишит, — сказал он. — Забивают весь Новый Орлеан, и нам достаются излишки, то есть самое худшее. Но несколько дней назад мадам Орлеан вдруг обнаружила, что в лавку не может выйти, не перепачкав юбок об оборванцев, загорающих на ее тротуарах, и заявила полиции: «Хватай их всех». Ну, полиция схватила десятка два, а остальные три-четыре тысячи разбрелись по дорогам, и здешняя госпожа, — он трагически указал на нее серебряным ножом, — их кормит. Работать они не хотят, они даже не вступают в разговор с моими людьми и вступают в дружбу с моими псами; а вы, сударыня, кормите их у меня на глазах и не позволяете мне вмешиваться. Скажи, дорогая, вот сего дня скольких ты уже толкнула на путь безделья и порока?

— Шестерых, кажется. Но ведь двое, — возразила хозяйка, тоже улыбаясь, — хотели работать,

ты сам слышал.

Хозяин только расхохотался в ответ.

— Хотели. Но по специальности. Первый — мастер по производству бумажных цветов, а второй — стеклодув. Извольте видеть, ищут работу! Но по специальности, иначе они и пальцем не двинут.

— А еще один, — продолжала сердобольная госпожа, — так прекрасно говорит. Просто редкость среди его класса. И часы носит. И жил в Бостоне. Нет, не верю я, что все они плохие. Просто, по-моему, они недостаточно развиты. Мне они всегда представляются детьми, у которых ум перестал расти, хотя и растет борода. Сегодня, когда ехали домой, мы обогнали одного такого: совершенная наивность и доброта написаны на лице. Он свистел интермеццо[9] из «Cavalleria»[10] так, что ощущался дух самого Масканьи.

Девушка с блестящими глазами, сидевшая слева от хозяйки, наклонилась к ней и проговорила, таинственно понизив голос:

— Интересно, мама, нашел тот бродяга мой чулок или нет? А вывесит он его сегодня? Я-то

---

[9] Примечания: 9

Интермеццо — небольшая музыкальная пьеса, исполняемая оркестром между отдельными номерами оперы.

[10] Примечания: 10

«Сельская честь» — опера П. Масканьи.

могу только один вывесить. Знаешь, почему мне вдруг понадобилась еще пара шелковых чулок? Тетушка Джуди говорит, если повесить два ненадеванных чулка, Санта-Клаус набьет один всякой всячиной, а месье Памб положит в другой чулок плату за все те слова — добрые и злые, — что ты говорила накануне. Вот почему я сегодня со всеми вдруг такая милая и вежливая. Знаешь, месье Памб — волшебник, он…

Слова ее были прерваны самым неожиданным образом.

Как некий призрак падающей звезды, черная лента, пробив стекло, взвилась над подоконником, со стуком упала на стол, смела со скатерти много хрусталя и фарфора, а потом через головы собравшихся метнулась к стене и напечатлела на ней зазубрину, так что и ныне всякий гость Бельмида дивится, глядя на нее и слушая эту историю.

Женщины взвизгнули на разные голоса, а мужчины повскакали из-за стола и непременно схватились бы за шпаги, если б их не сдерживали рамки хронологии.

Хозяин первым пришел в себя.

— Боже! — воскликнул он. — Метеорологический галантерейный ливень! Уж не установлено

ли наконец сообщение с Марсом?

— Скорей… гм… с Венерой, — отважился юный гость и в надежде на успех оглядел девиц, но те остались безучастны.

Хозяин вытянул руку, и в ней закачался нарушитель спокойствия — длинный черный чулок.

— В нем что-то есть, — объявил хозяин.

Он взял его за носок, потряс, и оттуда вывалился камень, завернутый в пожелтевший листок бумаги.

— Итак, впервые в нашем веке — известие с другой планеты! — крикнул хозяин, кивнул обступившим его гостям, с нарочитой тщательностью поправил очки и стал читать. Не успел он кончить, как разом превратился из любезного хлебосола в решительного делового человека. Он тотчас затряс колокольчик и приказал бесшумно явившемуся на звонок мулату:

— Поди скажи мистеру Уэсли, пусть возьмет Рива, Мориса, десять рослых надежных работников и идет с ними к крыльцу. Скажи ему, пусть люди захватят оружие, побольше веревок и ремней. И пусть поторопятся.

И только затем он вслух прочитал то, что было написано на листке.

«Господа хорошие,

Кроми меня на дороги у пустыря пять бродяг. Мне грозят пистолетам и я исбрал такой спосоп. 2 парня пашли паджеч тростник за домом вы пойдете тушить а они ограбют деньги какие работникам привезли и убигут. Чулочик девочка на дорогу абронила скажите ей с рожеством как она мне сказала. Сперва их поймайти на дороги а потом меня вызволяйти.

Истинно ваш
Дик Свистун».

В последующие полчаса в Бельмиде были без шума проведены быстрые маневры, в результате которых пятерых негодующих бродяг схватили и засадили во флигель ждать утра и возмездия. Второй результат — неслыханный восторг девиц, вызванный отвагой и решимостью молодых людей. И еще одно: поглядите на героя Дика Свистуна! Он сидит на пиру у плантатора, и его потчуют яствами, о каких он прежде и не слыхивал, за ним ухаживают представительницы прекрасной половины человечества, исполненные такой прелести и «шику», что, несмотря на набитый рот, он едва удерживается от свиста. Его

заставили подробно рассказать о столкновении со страшной шайкой Бостонца, о том, как ему удалось написать записку, обернуть ею камешек, сунуть в чулок и метко запустить, подобно комете, в одно из ярких окон столовой.

Хозяин поклялся, что страннику уж не придется более странствовать; что доброта его и честность достойны всяческих наград; что он перед Диком в неоплатном долгу, ибо разве не спас он его от огромных убытков, а быть может, и еще горших бедствий? Плантатор заявил, что отныне Дик предоставлен его заботам, что ему тотчас подыщут должность, соответственную его способностям, и усыплют розами его путь к процветанию и почестям, какие только доступны в пределах плантации.

Но теперь, решили все, Дик утомлен и прежде всего ему надо отдохнуть и выспаться. Хозяйка отдала распоряжение слуге, и Дика препроводили в ту часть дома, где располагались людские. В комнату к нему тотчас внесли цинковую ванну с водой и опустили на клеенку. И скитальца оставили одного.

Он осмотрел комнату при свете свечи. На кровати под аккуратно отогнутым уголком покрывала сверкали белоснежные простыни и подушки.

Старый, но чистый красный ковер устилал пол. На комоде стояло зеркало, на умывальнике — расписной таз и кувшин; по углам — стулья, обитые чем-то мягким. На столике были книги, бумага, свежие розы в стакане. На полочке висели полотенца, лежало мыло в белой мыльнице.

Дик Свистун поставил свечу на стул и аккуратно спрятал шапку под стол. Удовлетворив свою любознательность (что же еще?) тщательным осмотром, он снял пиджак, скатал и положил на полу к стенке, как можно дальше от непрошеной ванны. Использовав пиджак в качестве подушки, он роскошно раскинулся на ковре.

В день Рождества, когда первые лучи рассвета засияли над топями, Дик Свистун проснулся и стал привычно нащупывать шапку. Тут он вспомнил, как его подхватило накануне развевающимся подолом Фортуны, встал, подошел к окну, отворил его и подставил пылающий лоб дыханию утра, чтобы освежиться и удостовериться, что все это ему не приснилось.

Но вот робкого слуха его достиг зловещий шум.

Все рабочие плантации дружно взялись за нынешний труд, чтоб пораньше освободиться. Могучая поступь страшного Владыки — Труда сотрясала землю, и наш бедный Сказочный Принц,

навеки скрытый под жалкими лохмотьями, схватился за подоконник — даром что стоял в волшебном замке — и задрожал всем телом.

Уже грохоча, перекатывались бочки с сахаром и (в точности как в тюрьме!) гремели цепи — это с бранью сгоняли мулов на их места у сторожков телег. Злобный крошечный паровозик с плоскими вагонетками на буксире пыхтел и пускал пар по узкоколейке, толпы рабочих, едва различимых в сером утреннем свете, ухая и крича, грузили поезд недельной выработкой сахара. Тут поэма, сказанье — какое! — целая трагедия, и труд, проклятие человечества, — главная ее тема.

Несмотря на декабрьский холодок, Дика прошиб пот. Он высунулся из окна и посмотрел вниз. По цветочному бордюру он сообразил, что там, в пятнадцати футах от него, — мягкая земля.

Осторожно, как взломщик, он влез на подоконник, повис на руках и благополучно спрыгнул на землю. Кажется, вокруг никого не было. Он согнулся в три погибели и помчался через двор к низкой ограде. Ужас придавал ему крылья, и через ограду он перемахнул с той же легкостью, с какой газель, преследуемая львом, перелетает через терновый куст. Бросок сквозь росистые придорожные травы, дальше, оступаясь, вверх по

скользкому склону на насыпь и — свобода!

Светлел и алел восток. Ветер, сам бездомный бродяга, ласково потрепал собрата по щеке. Высоко над головой прокричали дикие гуси. Заяц трусил впереди по тропке и в любую минуту мог повернуть хоть направо, хоть налево — куда вздумается. Мимо скользила река, ни одной душе, конечно, не догадаться куда.

Взъерошенная темногрудая пичуга на кизиловой ветке завела было нежную, тоненькую, гортанную песню во славу росы, выманивающей дурней червяков из их укрытий; но вдруг она умолкла и, склонив голову набок, прислушалась.

С тропки, что шла по насыпи, несся веселый, ликующий, захлебывающийся свист, он пробирал и будоражил, он был четок и прозрачен, как чистейшие ноты флейты. Парящий звук журчал и рассыпался, как не принято в птичьем пенье, но была в этих звуках дикая, свободная прелесть, и темной птахе вспомнилось даже что-то знакомое, хоть и неясно что. Птичья зоря, сигнал побудки, известный всем птицам на свете. Но он был щедро приправлен бессмыслицами, ведомыми только искусству, — странно и совершенно непонятно зачем. И темная пичуга сидела, склонив голову набок, покуда звук не замер вдали.

Того не знала пичуга, что ради этих-то трелей, которые она разобрала, музыкант отказался от завтрака; зато она сразу смекнула, что трели непонятные ее совершенно не касаются. А потому она взмахнула крылышками и пулей метнулась вниз на жирного червяка, вившегося по тропке вдоль насыпи.

1899

Рождественский подарок

***Перевод под редакцией Владимира Азова*[11]**

Лет двадцать развивался корень зла.

К концу этого срока он был уже вполне на высоте положения.

---

[11] Примечания: 11

Владимир Александрович Азов (настоящая фамилия — Ашкинази; 1873–1941) — писатель, фельетонист, театральный критик, сотрудник «Сатирикона», работал в издательстве «Всемирная литература», выпустил под своей редакцией более 40 томов произведений иностранных, преимущественно американских, писателей. В 1926 г. эмигрировал во Францию, умер в Париже.

Если бы вы жили где-нибудь в окружности ранчо Сэндаун, хотя бы на расстоянии пятидесяти миль от него, вы не могли бы не слышать о нем. Корень зла этот обладал густыми, черными как смоль волосами, необыкновенно искренними темно-карими глазами, а смех его разносился по прерии, точно журчанье где-то скрытого ручейка. Имя ему было Розита Мак-Меллэн, и это была дочь старого Мак-Меллэна, с овечьего ранчо Сэндаун.

Однажды в Сэндаун прибыли верхом на двух золотисто-рыжих конях — или, выражаясь точнее, на облезлых гнедых — два претендента на руку Розиты. Один из них был Мэдисон Лэн, а другой — Малыш из Фрио. Но в это время его еще не звали «Малышом из Фрио»: он еще не успел тогда заслужить честь особой клички. Имя его было попросту Джонни Мак-Рой.

Не подумайте, пожалуйста, что эти двое являлись единственными обожателями прекрасной Розиты. Кони дюжины других грызли удила, стоя у длинной коновязи ранчо Сэндаун. Много глаз в окрестных саваннах выпучивались по-бараньи при виде Розиты, но не всегда эти глаза принадлежали баранам Дана Мак-Меллэна. Но Мэдисон Лэн и Джонни Мак-Рой далеко обогнали осталь-

ных участников этого гандикапа, а потому мы и заносим их имена в летопись.

Мэдисон Лэн, молодой скотовод из округа Нуэсес, остался победителем. Он и Розита были обвенчаны в день Рождества. Вооруженные, веселые, шумливые ковбои и овчары, великодушно отложив в сторону свою наследственную ненависть, соединились вместе, чтобы общими силами отпраздновать торжество.

На ранчо Сэндаун стон стоял от залпов — шуток и из револьверов, от блеска — уздечек и сверкающих глаз, от поздравлений и приветствий.

Но, когда свадебное торжество достигло крайнего предела веселья, вдруг появился Джонни Мак-Рой, мрачный, терзаемый ревностью, похожий на одержимого.

— Я вам сейчас поднесу рождественский подарок! — завопил он громовым голосом и встал у дверей, держа в руках револьвер сорок пятого калибра. Уже в те времена он имел репутацию необычайно меткого стрелка.

Первая его пуля срезала мочку правого уха у Мэдисона Лэна. Дуло револьвера отклонилось на один дюйм. Следующий выстрел поразил бы новобрачную, если бы у овчара Карсона винтики в голове не оказались бы хорошо смазанными и

не работали бы так быстро. Садясь за стол, гости, соблюдая хороший тон, повесили свои револьверы, вместе с поясами, на гвозди, вбитые в стену. Но Карсон с необычайной быстротой швырнул в Мак-Роя свою тарелку, полную жареной дичи и картошки, и испортил ему прицел. Вторая пуля сбила только белые лепестки с цветка — «испанского кинжала», торчавшего фута на два над головой у Розиты.

Гости отпихнули стулья и бросились к оружию. Стрелять в жениха и невесту во время свадьбы показалось им поступком крайне бестактным. Через шесть секунд около двадцати пуль должны были просвистеть по направлению к Мак-Рою.

— В следующий раз я буду лучше стрелять, — прокричал Джонни, — и этот следующий раз настанет!

И он быстро скрылся.

Карсон, овчар, движимый после успешного опыта с брошенной тарелкой жаждой новых подвигов, первый добежал до дверей. Из темноты пуля Мак-Роя уложила его.

Тогда ковбои бросились за ним, взывая к мщению; вообще, убийство овчара не всегда вызывало возмущение с их стороны, но в данном случае оно определенно шло вразрез с правилами приличия.

Карсон не был виноват ни в чем; он не принимал никакого участия в обряде бракосочетания; и никто даже не слыхал, чтобы он декламировал гостям рождественские гимны.

Но вылазка не удалась. Мак-Рой был уже в седле и несся вскачь, в спасительный чапарраль, осыпая своих преследователей громкими проклятиями и угрозами.

В эту-то ночь и родился «Малыш из Фрио». Он стал «вредным элементом» этих краев. Отвергнутый мисс Мак-Меллэн, он сделался опасным. Когда полицейские явились арестовать его за убийство Карсона, он убил двоих из них и затем стал вести жизнь отщепенца. Он научился удивительно хорошо стрелять обеими руками. Иногда он появлялся в городках и поселках, затевал ссоры по малейшему поводу, укладывал своего противника и смеялся над блюстителями закона. Он был так хладнокровен, так беспощаден, так проворен, так бесчеловечно кровожаден, что к поимке его делались лишь слабые попытки. Когда он был наконец застрелен маленьким, одноруким мексиканцем, который сам еле жив был от страха, на душе Малыша из Фрио было уже восемнадцать убийств. Около половины жертв он уложил в честном поединке, где исход

зависел от быстроты выстрела. Другую половину он умертвил просто из жестокости, ради одного удовольствия.

Много существует на границе рассказов о его дерзкой храбрости и отваге. Но он не был из породы тех головорезов, у которых все-таки бывают минуты великодушия и даже кротости. Уверяют, что он никогда не знал чувства милосердия к лицам, вызвавшим его гнев. Однако в этот и в каждый день Рождества как-то хочется отдать, по возможности, каждому должное за всякую искру добра, которая могла бы в нем оказаться. Если Малыш из Фрио совершил когда-нибудь доброе дело, если в сердце его шевельнулось когда-нибудь великодушное чувство, это случилось именно в этот день. Вот каким образом это произошло.

Человеку, потерпевшему неудачу в любви, никогда не следует вдыхать аромат цветов ратамы. Они опасно возбуждают память.

Однажды в декабре в округе Фрио одно дерево ратамы стояло в полном цвету: зима была теплая, точно весна. Мимо этого дерева ехал Малыш из Фрио со своим клевретом и товарищем по убийствам Фрэнком Мексиканцем. Малыш остановил своего мустанга, но остался в седле, задумчивый и нахмуренный, зловеще прищурив глаза. Слабый,

сладкий аромат затронул какие-то фибры в нем, проникнув сквозь сковывавшую его броню из льда и железа.

— Не понимаю, о чем это я думаю, Мекс, — сказал он своим обычным мягким и певучим голосом. — Как это я мог забыть про один рождественский подарок? Завтра ночью я поеду и застрелю Мэдисона Лэна в его собственном доме. Он отбил у меня мою девушку. Розита вышла бы за меня, не встань он между нами. Сам не понимаю, как я это откладывал до сих пор.

— А, ерунда, Малыш! — сказал Мексиканец. — Не говори вздора. Ты знаешь, что завтра нельзя будет и на милю подъехать к дому Мэда Лэна. Я видел третьего дня старика Аллена, и он сказал мне, что у Мэда на Рождестве будут гости. Помнишь, как ты испортил торжество в день свадьбы Мэда и какие ты посылал угрозы? Неужели ты думаешь, что Мэд Лэн не держит теперь ухо востро в предположении, что некто мистер Малыш может незвано появиться среди гостей? Тошно слушать, Малыш, такие речи.

— Я поеду, — спокойно повторил Малыш, — на праздник к Мэдисону Лэну и убью его. Мне давно надо было сделать это. Знаешь, Мекс, ровно две недели назад я видел во сне, что я женат на Рози-

те, а не он; и мы жили вместе в доме, и я видел, как она мне улыбается... и — проклятье, Мекс! — она досталась ему! Но зато он будет моим, — да, сударь, она стала его в канун Рождества, и в этот же день он будет моим.

— Есть ведь и другие способы самоубийства, — посоветовал Мексиканец. — Почему бы тебе просто не отдаться в руки шерифу?

— Он будет моим, — сказал Малыш.

Канун Рождества наступил; воздух был мягок, точно в апреле. Быть может, был отдаленный намек на мороз, но он только пощипывал, как сельтерская вода, и в воздухе носился легкий запах поздних полевых цветов и мескитной травы.

Вечером все пять или шесть комнат ранчо ярко осветились. В одной из комнат горела елка: у Лэнов был трехлетний сынишка и ожидалось человек двенадцать или более гостей с ближайших ранчо.

Когда стемнело, Мэдисон Лэн отозвал в сторону Джима Бэлчэра и еще троих ковбоев, служивших у него на ранчо.

— Слушайте, ребята, — сказал Лэн, — держите ухо востро. Ходите вокруг дома и наблюдайте зорко за дорогой. Все вы знаете Малыша из Фрио, как его теперь зовут; если вы его увидите, от-

кройте по нему огонь без всяких предисловий. Я не очень-то боюсь, что он явится сюда, но Розите страшно. Она боится этого каждое Рождество, с тех пор как мы женаты.

Вскоре приехали гости, в таратайках и верхами, и начали располагаться в комнатах. Вечер проходил весело. Гости с удовольствием ели отличный ужин, приготовленный Розитой, и похваливали хозяйку, а затем разбрелись группами по комнатам и по широкой галерее, куря и болтая.

Елка, разумеется, привела в восторг малышей; в особенности они обрадовались, когда появился Рождественский дед, с великолепной белой бородой, одетый в белый мех, и начал раздавать игрушки.

— Это мой папа, — объявил шестилетний Билли Сэмпсон, — я видел, как он одевался.

Беркли, овчар, старый приятель Лэна, остановил Розиту, когда она шла мимо него по галерее, где он сидел и курил.

— Ну что же, миссис Лэн, — сказал он, — вы, надеюсь, перестали теперь каждое Рождество бояться этого парня, Мак-Роя, не правда ли? Мы как раз толковали об этом с Мэдисоном.

— Почти, — улыбаясь, ответила Розита, — но я все-таки иногда нервничаю. Никогда не забуду я

этого ужаса, когда он чуть не убил нас.

— Это самый безжалостный негодяй в мире, — сказал Беркли. — Всем жителям округа следовало бы подняться и устроить на него облаву, как на волка.

— Он совершил ужасные преступления, — сказала Розита, — но… я… не знаю. Я думаю, что в каждом человеке где-то в глубине души таится крупица добра. Он не всегда был злодеем — я это знаю.

Розита вышла в коридор между комнатами. Рождественский дед, в бороде и мехах, как раз проходил мимо.

— Я слышал в окно, что вы говорили, миссис Лэн, — сказал он. — В тот момент я только что опустил руку в карман, чтобы вынуть рождественский подарок вашему мужу. Но вместо этого я оставил вам подарок. Он там, в комнате направо.

— Спасибо, милый дедушка, — весело сказала Розита.

Она вошла в комнату, а Рождественский дед вышел на свежий воздух.

В комнате направо она нашла одного Мэдисона.

— Где же мой подарок? Дед сказал, что оставил

его здесь для меня, — сказала Розита.

— Я не видел ничего похожего на подарок, — смеясь, сказал ей муж, — разве только, что он меня назвал подарком?

На следующий день Габриэль Родд, старший на ранчо Хо, вошел в почтовую контору в Лома-Альта.

— Ну вот, Малыш из Фрио получил наконец свою порцию свинца, — сказал он почтмейстеру.

— Да неужели? Каким образом?

— Отличился один из мексиканцев-овчаров старого Санхеса. Подумайте только: Малыш из Фрио убит овчаром! Пастух увидел около полуночи, что он едет мимо лагеря, и так перепугался, что схватил свой винчестер и выпустил заряд. Но всего забавнее то, что Малыш оказался наряженным в полное одеяние Рождественского деда, с ног до головы. Подумайте только, Малыш из Фрио вздумал разыгрывать Санта-Клауса.

1903

Елка с сюрпризом

***Перевод Татьяны Озерской*[12]**

[12] Примечания: 12

Татьяна Алексеевна Озерская (Тарковская; 1907–1991) — переводчица с английского языка, жена и муза поэта Арсения Тарковского.

Чероки называли отцом Желтой Кирки. А Желтая Кирка была новым золотоискательским поселком, возведенным преимущественно из неоструганных сосновых бревен и парусины. Чероки был старателем. Как-то раз, пока его ослик утолял голод кварцем и сосновыми шишками, Чероки вывоpотил киркой самородок в тридцать унций весом. Чероки застолбил участок и тут же — как радушный хозяин и человек с размахом — разослал всем своим друзьям в трех штатах приглашение приехать, разделить с ним его удачу.

Никто из приглашенных не ответил вежливым отказом. Они прикатили с реки Хилы, с Рио-Пекос и с Соленой реки, из Альбукерка и Феникса, из Санта-Фе и изо всех окрестных старательских лагерей.

Когда около тысячи золотоискателей застолбили участки и обосновались на них, они назвали свое поселение Желтой Киркой, избрали комитет охраны общественного порядка и преподнесли Чероки часовую цепочку из небольших самородков.

Через три часа после окончания церемонии с цепочкой золото на участке Чероки иссякло. Он застолбил не жилу, а карман. Чероки бросил

участок и принялся столбить новые — один за другим. Но счастье повернулось к нему спиной. Золотого песка, который он намывал за день, ни разу не хватило, чтобы оплатить его счет в баре. Зато почти у всех приглашенных им старателей дела шли на лад, и Чероки радостно улыбался и поздравлял их с успехом.

В Желтой Кирке подобрался народ, уважавший тех, кто не падает духом от неудачи. Старатели спросили Чероки, что они могут для него сделать.

— Для меня? — сказал Чероки. — Да что ж, небольшая ссуда пришлась бы сейчас в самую пору. Надо, пожалуй, попытать счастья в Марипозе. Если нападу там на хорошую залежь, тут же пришлю вам весточку. Вы же знаете — я не из тех, кто скрывает свою удачу от друзей.

В мае Чероки навьючил свое снаряжение на ослика и повернул его задумчивой мышасто-серой мордой на север. Толпа новоселов проводила его до воображаемой городской заставы, и он зашагал дальше, напутствуемый прощальными криками и пожеланиями успеха. Пять фляжек без единого пузырька воздуха между пробкой и содержимым были силком рассованы по его карманам. Чероки просили не забывать, что в

Желтой Кирке его всегда будут ждать постель, яичница с салом и горячая вода для бритья, если Фортуна не надумает заглянуть к нему на стоянку в Марипозе, чтобы погреть руки у его костра.

Чероки получил это свое прозвище в соответствии с существовавшей среди старателей номенклатурной системой. Предъявления свидетельства о крещении не требовалось — каждый получал свою кличку и без этого. Имя и фамилия человека считались его личной собственностью, а чтобы его удобнее было кликнуть к стойке и как-то отличить от других облаченных в синие рубахи двуногих, общество присваивало ему какое-нибудь временное звание, титул или прозвище. Повод для этих не предусмотренных законом крестин чаще всего усматривался в личных особенностях каждого. Ко многим без труда приставало название той местности, из которой они, по их словам, прибыли. Некоторые громко и нахально именовали себя «Адамсами», или «Томпсонами», или еще как-нибудь в том же роде, бросая этим тень на свою репутацию. Кое-кто хвастливо и бесстыдно раскрывал свое бесспорно подлинное имя, но это воспринималось как пустое зазнайство и не имело успеха среди старателей. Одному типу, заявившему, что

его зовут Честертон Л. К. Белмонт, и предъявившему в доказательство бумаги, категорически предложили покинуть город до захода солнца. Особенно в ходу были клички вроде: «Коротыш», «Криволапый», «Техасец», «Лежебока Билл», «Роджер Выпивоха», «Хромой Райли», «Судья» и «Эд Калифорния». Чероки получил свое прозвище потому, что он прожил будто бы некоторое время среди этого индейского племени.

Двадцатого декабря Болди, почтальон, прискакал в Желтую Кирку с потрясающей новостью.

— Как вы думаете, кого я видел в Альбукерке? — спросил Болди, заняв свое место у стойки бара. — Чероки. Разряжен в пух и прах, словно какой-нибудь султан турецкий, и швыряет деньгами направо и налево. Мы с ним погуляли на славу и отпробовали слабительной шипучки, и Чероки оплачивал все счета наложенным платежом. Карманы у него раздулись от денег, как бильярдные лузы, набитые шарами.

— Чероки, должно быть, напал на хорошую жилу, — сказал Эд Калифорния. — Вот порядочный малый! Я глубоко признателен Чероки за то, что ему наконец повезло.

— Не мешало бы Чероки притопать теперь в Желтую Кирку, проведать старых друзей, — заме-

тил кто-то с ноткой огорчения в голосе. — Ну, да так оно всегда бывает. Деньги — лучшее средство, чтоб отшибло память.

— Постойте, — возразил Болди, — я еще не все рассказал. Чероки застолбил трехфутовую жилу там, в Марипозе, и с каждой тонны руды добывал столько золота, что хоть всякий раз кати в Европу. Эту свою жилу он продал одному синдикату и получил сто тысяч долларов чистоганом. После этого он купил себе шубу из новорожденных котиков, и красные сани, и... ну, угадайте, что еще он надумал?

— В карты режется, — высказал предположение Техасец, который не мыслил себе развлечений вне азарта.

— Ах, поцелуй меня скорей, моя красотка! — пропел Коротыш, носивший в кармане чью-то фотографию и не снимавший пунцового галстука даже во время работы на участке.

— Купил пивную, — решил Роджер Выпивоха.

— Чероки повел меня к себе в комнату, — продолжал Болди, — и кое-что мне показал. У него там целый склад кукол, барабанов, попрыгунчиков, коньков, мешочков с леденцами, хлопушек, заводных барашков и прочей дребедени. И как вы думаете, что он собирается делать со всеми

этими бесполезными побрякушками? Нипочем не угадаете.

Ну так вот, Чероки мне сказал. Он задумал погрузить все это в свои красные сани и... стойте, стойте, подождите заказывать виски!.. прискакать сюда, в Желтую Кирку, и закатить здешней детворе — ну да, да, здешней детворе! — такую большую рождественскую елку и такой великий кутеж с раздачей Говорящих Кукол и Больших Столярных Наборов для Маленьких Умных Мальчиков, какие не снились еще ни одному сосунку к западу от мыса Гаттераса!

После этих слов минуты на две воцарилось гробовое молчание. Оно было нарушено барменом. Решив, что удобный момент для проявления радушия настал, он двинул по стойке свою батарею стаканов; следом за ними и не столь стремительно поплыла бутылка виски.

— А ты сказал ему? — спросил старатель по кличке Тринидад.

— Да нет, — с запинкой отвечал Болди, — не сказал. Как-то к слову не пришлось. Ведь Чероки уже закупил всю эту муру и уплатил за нее сполна, и уж так-то был доволен собой и своей затеей... И мы с ним успели порядком нагрузиться этой самой шипучкой. Нет, я ничего ему не сказал.

— Признаться, я несколько изумлен, — молвил Судья, вешая свою тросточку с ручкой из слоновой кости на стойку бара. — Как мог наш друг Чероки составить себе столь превратное представление о своем, так сказать, родном городе?

— Ну, то ли еще бывает на свете, — возразил Болди. — Чероки уехал отсюда семь месяцев назад. Мало ли что могло случиться за это время. Откуда ему знать, что в городе совсем нет ребятишек и пока не ожидается.

— Да ведь если рассудить, — заметил Эд Калифорния, — так это даже странно, что никаким ветром их к нам еще не занесло. Может, это потому, что в городе покуда не налажено снабжение сосками и пеленками?

— А для пущего эффекта, — сказал Болди, — Чероки решил сам нарядиться Дедом Морозом. Он раздобыл себе белый парик и бороду, в которых он как две капли воды похож на этого парня Лонгфелло, если судить по портрету в книжке. И потом еще красный, обшитый мехом, исподний балахон, чтобы надевать поверх всего, пару красных рукавиц и круглый красный стоячий колпак с отложным кончиком. Позор, да и только, как подумаешь, что все это обмундирование пропадет зазря, когда столько разных Энн и Вилли

мечтают об эдаком чуде!

— А когда Чероки думает прибыть сюда со своим товаром? — спросил Тринидад.

— В сочельник утром, — сказал Болди. — И он хочет, чтобы вы, ребята, приготовили помещение, и поставили елку, и пригласили дам помочь наряжать ее. Но только таких, которые умеют держать язык за зубами, — чтоб полный был сюрприз для ребят.

Отмеченное собеседниками прискорбное состояние Желтой Кирки соответствовало действительности. Ни разу ребячий голосок не порадовал обитателей этого на скорую руку возведенного поселка. Ни разу топот резвых детских ножек не прозвучал на его единственной немощеной улице между двумя рядами палаток и бревенчатых хижин. Все это пришло потом. Но в те дни Желтая Кирка была просто затерянным в горах старательским лагерем, и никто еще не видел там горящих ожиданием плутовских глаз, нетерпеливо встречающих зарю праздничного дня, или рук, жадно протянутых к таинственным дарам Деда Мороза, не слышал восторженных кликов по поводу великой зимней радости — елки. Словом, не было в Желтой Кирке ничего, что могло бы послужить наградой добросердечному

Чероки за тот ворох добра, который он туда вез.

Женщин в Желтой Кирке было всего пять. Из них три — жена пробирщика, хозяйка гостиницы «Счастливая находка» и прачка, намывавшая в своем корыте на унцию золотого песка в день, — составляли оседлую часть женского населения поселка. Остальные две были сестры Спэнглер — мисс Фаншон и мисс Ирма — из «Передвижного драматического», который играл сейчас в импровизированном театре «Ампир». Но детей в поселке не было. Иной раз мисс Фаншон исполняла не без огонька роль какого-нибудь бойкого подростка, но создаваемый ею образ был плачевно далек от того детского облика, который рисовался воображению как достойный объект праздничных щедрот Чероки.

Рождество приходилось на четверг. Во вторник утром Тринидад не пошел работать на участок, а направился к Судье в гостиницу «Счастливая находка».

— Желтая Кирка опозорит себя навеки, — заявил Тринидад, — если мы не поддержим Чероки в этом его елочном загуле. Чероки, можно сказать, создал наш город. Я лично решил кое-что предпринять, чтобы Дед Мороз не оказался в дураках.

— Это начинание, — сказал Судья, — встретит

всемерную поддержку с моей стороны. Я многим обязан Чероки. Однако я не вижу путей и средств… собственно говоря, отсутствие детей в нашем городе я до этой минуты склонен был рассматривать скорее как благодеяние… хотя, при сложившихся обстоятельствах… тем не менее я все-таки не вижу путей и средств…

— Взгляните на меня, — сказал Тринидад, — и вы увидите. Пути и средства стоят перед вами и уже собрались в путь-дорогу. Я сейчас раздобуду упряжку и пригоню на представление нашего Деда Мороза целый фургон детворы… хотя бы пришлось совершить налет на сиротский приют.

— Эврика! — воскликнул Судья.

— Нет, врете! — решительно возразил Тринидад. — Это я нашел. Я когда-то тоже учил латынь в школе.

— Я буду вас сопровождать, — заявил Судья, размахивая тросточкой. — Тот небольшой дар речи и ораторские способности, которыми я обладаю, могут пригодиться нам, когда нужно будет убедить наших юных друзей предоставить себя на некоторое время напрокат для осуществления наших планов.

Через час Желтая Кирка была оповещена о плане Тринидада и Судьи и единодушно его

одобрила. Каждый, кому было известно, что где-нибудь в радиусе сорока миль от Желтой Кирки проживает семья с малолетними отпрысками, поспешил поделиться своими сведениями. Тринидад тщательно все записал и, не теряя времени, отправился на розыски лошадей и возка.

Первую остановку намечено было сделать у пятистенной бревенчатой хижины в двадцати милях от Желтой Кирки. Тринидад покричал у ворот, из хижины вышел хозяин и стал, облокотившись о расшатанную калитку. На порог высыпала орава ребятишек, порядком оборванных, но пышащих здоровьем и снедаемых любопытством.

— Вот какое дело, — начал Тринидад. — Мы из Желтой Кирки. Приехали похитить у вас детишек на добровольных, так сказать, началах. Один из наших видных горожан одержим елочной манией и пожелал стать Дедом Морозом. Завтра он прикатит в город с целым возом разной чепухи, выкрашенной в красную краску и изготовленной в Германии. А у нас в Желтой Кирке самый младший из сорванцов обзавелся уже сорокапятикалиберным револьвером и безопасной бритвой. Так кто же будет кричать «Ох!» и «Ах!», когда на елке зажгутся свечки? Словом, друг, если

вы одолжите нам парочку ребят, мы обещаем возвратить их в полной сохранности. В первый день Рождества они будут доставлены обратно в лучшем виде и притащат с собой Робинзонов в красивых переплетах, рога изобилия, красные барабаны и прочие вещественные доказательства. Ну как?

— Другими словами, — вмешался Судья, — мы, впервые со дня основания нашего небольшого, но процветающего города, обнаружили его несовершенство в смысле совершенного отсутствия в нем несовершеннолетних. И ввиду приближения того календарного срока, когда обычаем предусмотрено награждать, так сказать, нежных и юных различными бесполезными, но ходкими предметами…

— Понятно, — сказал хозяин, уминая большим пальцем табак в трубке. — Не стану задерживать вас, джентльмены. У нас со старухой, скажем прямо, семеро ребятишек. Так вот, я перебрал в уме всю кучу и что-то не вижу, кого из них мы могли бы уступить вам для вашей гулянки. Старуха уже нажарила кукурузных зерен, а в комоде у нее спрятаны тряпичные куклы, и мы сами думаем кутнуть на праздничках, хотя и по-домашнему, без затей. Словом, мне эта ваша

выдумка не очень-то по душе, и я ни одного из своих ребят не уступлю. Премного вам благодарен, джентльмены.

Они покатили под гору, взобрались на другой холм и остановили возок у ранчо Уайли Уилсона. Тринидад изложил свою просьбу. Судья торжественно прогудел партию для второго голоса. Миссис Уайли спрятала двух розовощеких пострелят в складках своей юбки и не улыбнулась до тех пор, пока не увидела, что мистер Уайли смеется и отрицательно качает головой. Опять отказ!

Когда в низине меж холмами начали сгущаться сумерки, Тринидад и Судья уже исчерпали больше половины своего списка — и все впустую. Они заночевали в придорожной гостинице и на заре снова пустились в путь. В возке не прибавилось ни одного седока.

— Я, кажется, начинаю понимать, — сказал Тринидад, — что получить ребенка напрокат на праздники так же трудно, как украсть масло у человека, который собрался есть блины.

— Не подлежит никакому сомнению, — отозвался Судья, — что семейные узы приобретают в этот период года исключительную, так сказать, прочность.

В канун праздника они покрыли тридцать миль, сделали четыре бесплодных остановки и произнесли четыре не имевших успеха воззвания. Детвора везде была на вес золота.

Солнце уже клонилось к закату, когда жена старшего обходчика на какой-то глухой железнодорожной ветке, загородив собой еще одно не подлежащее изъятию сокровище, сказала:

— На Гранитной Стрелке работает сейчас новая буфетчица. У нее, кажется, есть сынишка. Может, она и отпустит его с вами.

В пять часов вечера Тринидад пригнал своих мулов к станции Гранитная Стрелка. Поезд только что отошел, забрав с собой утоливших голод и умиротворенных пассажиров.

На ступеньках железнодорожного буфета они увидели тощего угрюмого мальчонку лет десяти, с папиросой в зубах. В буфете, где пассажиры с налету удовлетворяли свой кочевой аппетит, царил хаос. Молодая, но иссушенная заботами женщина в полном изнеможении сидела, откинувшись на спинку стула. Лицо ее хранило следы своеобразной красоты — той, что никогда не исчезает бесследно, но которую нельзя и вернуть. Тринидад разъяснил ей цель их приезда.

— Да я буду рада, если вы хоть ненадолго

заберете с собой Бобби, — устало сказала женщина. — Крутишься тут, как заведенная, с утра до ночи — некогда за ним присмотреть. А он набирается дурных примеров от взрослых. Какие уж тут елки — вот разве что у вас…

Мужчины вышли на крыльцо для переговоров с Бобби. Тринидад в живых красках описал ему роскошную елку с подарками.

— А потом, мой юный друг, — добавил Судья, — сам Дед Мороз явится к вам с дарами, как бы в ознаменование того, как некогда волхвы…

— А, бросьте заливать! Я не ребенок, — насмешливо прищурившись, прервал его Бобби. — Нет никаких дед-морозов. Это вы, дяди, сами покупаете в лавке всякую дрянь и суете ребятам ночью под подушки. И пачкаете каминными щипцами пол — будто Дед Мороз приехал на санях.

— Ну, может, и так, — примирительно сказал Тринидад. — Но елки-то ведь всамделишные. А у нас будет знаешь какая! Как универсальный магазин в Альбукерке — все игрушки не дешевле десяти центов. И барабаны будут, и волчки, и ноев ковчег, и…

— К черту! — холодно сказал Бобби. — Я с этим давно покончил. Хочу ружье. Не игрушечное, а настоящее, чтоб стрелять диких котов. Так у вас

небось не найдется ружья на вашей дурацкой елке?

— Поручиться не могу, — сказал Тринидад дипломатично, — но кто его знает… Поедем с нами, а там видно будет.

Заронив этот слабый луч надежды в душу Бобби, вербовщики вынудили у него согласие пойти навстречу филантропическому порыву Чероки и пустились со своим единственным трофеем в обратный путь.

В Желтой Кирке тем временем помещение пустовавшего склада было превращено в праздничный зал, разукрашенный, как чертоги доброй аризонской феи. Дамы потрудились не зря. Елка, вся в свечках, серебряной мишуре и игрушках, которых хватило бы на добрых два десятка ребят, высилась в центре зала. Когда свечерело, все, сжигаемые нетерпением, стали выглядывать на улицу — не покажется ли возок с похитителями детей. Еще в полдень Чероки влетел в поселок на красных санях, заваленных свертками, кульками и коробками самой различной формы и размера. И так был он увлечен выполнением своего бескорыстного замысла, что даже не заметил отсутствия ребят в поселке, а открыть ему глаза на позорное состояние Желтой Кирки ни у кого

не хватило духу; к тому же все твердо верили, что Тринидад и Судья сумеют восполнить этот ужасающий пробел.

Когда солнце село, Чероки хитро подмигнул собравшимся и с лукавой улыбкой на обветренном морщинистом лице удалился из зала, прихватив узелок со всем реквизитом Деда Мороза и еще один таинственный пакет с игрушками.

— Как только ребята соберутся, — наказывал он членам добровольного елочного комитета, — зажгите елку и поиграйте с ними в кошки-мышки. А когда у них пойдет дым коромыслом, вот тогда… тогда Дед Мороз потихоньку проскользнет в дверь. Подарков, думается мне, должно хватить.

Дамы порхали вокруг елки, в последний раз перевешивая какие-то украшения, чтобы тут же перевесить их заново. Сестры Спэнглер тоже были здесь: одна в костюме леди Вайолет де Вир, другая — служанки Мари, персонажей из новой пьесы «Невеста рудокопа». Спектакли в театре начинались только в девять часов, и актрисы с благосклонного разрешения комитета помогали наряжать елку. Кто-нибудь то и дело выскакивал на крыльцо и прислушивался — не возвращается ли упряжка Тринидада. Тревога росла, ибо надвигалась ночь и пора было зажигать елку,

да и Чероки в любую минуту мог, не спросясь, появиться на пороге в полном облачении Рождественского деда.

Но вот на улице заскрипел возок, и «похитители» подъехали к складу. Дамы всполошились и с восторженными восклицаниями бросились зажигать свечки. Мужчины беспокойно прохаживались из угла в угол или стояли небольшими группами, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

Тринидад и Судья, истомленные долгими странствиями, вступили в зал, ведя за руку тщедушного, озорного с виду мальчишку. Мальчишка презрительным взглядом исподлобья окинул пестро разряженную елку.

— А где же остальные дети? — вопросила жена пробирщика, игравшая первую скрипку во всех светских начинаниях города.

— Сударыня, — со вздохом отвечал Тринидад, — отправляться на разведку за детьми перед праздником — все равно что искать серебро в известняках. Так называемые родительские чувства — сплошная для меня загадка. Похоже, что папашам и мамашам совершенно безразлично, если их потомство все триста шестьдесят четыре дня в году будет тонуть, объедаться ядовитыми

дубовыми орешками, попадать в лапы диких котов или похитителей детей. Но в сочельник оно, вынь да положь, должно отравлять своим присутствием семейные сборища. Этот вот экземпляр, сударыня, — единственное, что нам удалось откопать в результате двухдневных разведок на местности.

— Ах, прелестное дитя! — проворковала мисс Ирма, волоча свой театральный шлейф к середине сцены.

— Отвяжитесь! — хмуро буркнул Бобби. — Кто это — «дитя»? Уж не вы ли?

— Дерзкий мальчишка! — ахнула мисс Ирма, не успев погасить эмалевой улыбки.

— Старались, как могли, — сказал Тринидад. — Обидно за Чероки, да что ж поделаешь.

Тут распахнулась дверь, и появился Чероки в традиционном костюме Деда Мороза. Белые космы парика и пышная белая борода закрывали почти все его лицо — видны были только темные, искрившиеся весельем глаза. За спиной он нес мешок.

Все замерли при его появлении. Даже сестры Спэнглер, забыв принять кокетливые позы, с любопытством уставились на высокую фигуру Рождественского деда. Бобби, насупившись, за-

сунув руки в карманы, угрюмо рассматривал нелепое, обвешанное побрякушками дерево. Чероки опустил на пол свой мешок и с удивлением огляделся по сторонам. Быть может, у него мелькнула мысль, что нетерпеливую ватагу ребятишек загнали куда-нибудь в угол, чтобы выпустить оттуда, как только он войдет. Чероки направился к Бобби и протянул ему руку в красной рукавице.

— Поздравляю тебя с праздником, мальчуган, — сказал он. — Можешь брать с елки все, что тебе нравится, — мы сейчас достанем. Ну, давай руку, поздоровайся с Дедом Морозом.

— Нет никаких дед-морозов, — шмыгнув носом, проворчал Бобби. — У тебя фальшивая борода. Из старых козлиных оческов. Я не ребенок. На черта мне эти куклы и оловянные лошадки? Кучер сказал, что дадут ружье. А у тебя его нет. Я хочу домой.

Тринидад пришел на помощь. Он схватил руку Чероки и горячо ее потряс.

— Ты уж прости, Чероки, — сказал он. — Нет у нас в Желтой Кирке никаких ребят, да и сроду не было. Мы надеялись пригнать их целый косяк на твое суарэ, да вот, кроме этой сардинки, ничего не удалось выловить. А он, понимаешь ли, атеист и не верит в Рождественских дедов. Нам очень

совестно, что ты зря потратился. Да ведь мы с Судьей думали, что притащим сюда целую ораву мелюзги и все твои свистульки пойдут в ход.

— Ну и ладно, — спокойно сказал Чероки. — Подумаешь, какие траты, есть о чем говорить! Свалим все это барахло в старую шахту, да и дело с концом. Но надо же быть таким ослом — прямо из головы вон, что в Желтой Кирке нету ребятишек!

Гости меж тем с похвальным усердием, хотя и без особого успеха, делали вид, что веселятся вовсю.

Бобби отошел в угол и уселся на стул. Холодная скука была отчетливо написана на его лице. Чероки, еще не вполне отвыкнув от своей роли, подошел и сел рядом.

— Где ты живешь, мальчик? — вежливо осведомился он.

— На Гранитной Стрелке, — нехотя процедил Бобби.

В зале было жарко. Чероки снял свой колпак, парик и бороду.

— Эй! — несколько оживившись, произнес Бобби. — А ведь я тебя знаю.

— Разве мы с тобой встречались, малыш?

— Не помню. А вот карточку твою я видел. Сто

раз.

— Где?

Бобби колебался.

— Дома. На комоде.

— Скажи, пожалуйста, мальчик, а как тебя зовут?

— Роберт Лэмсден. Это материна карточка. Она прячет ее ночью под подушку. Я раз видел даже, как она ее целовала. Вот уж нипочем бы не стал. Но женщины все на один лад.

Чероки встал и поманил к себе Тринидада.

— Посиди с мальчиком, я сейчас вернусь. Пойду сниму этот балахон и заложу сани. Надо отвезти мальчишку домой.

— Ну, безбожник, — сказал Тринидад, занимая место Чероки. — Ты, брат, значит, настолько одряхлел и всем пресытился, что тебя уже не интересует разная ерунда вроде сластей и игрушек?

— Ты неприятный тип, — язвительно сказал Бобби. — Ты обещал, что будет ружье. А здесь человеку даже покурить нельзя. Я хочу домой.

Чероки пригнал сани к крыльцу, и Бобби водрузили на сиденье. Резвые лошадки бойко рванулись вперед по укатанной снежной дороге. На Чероки была его пятисотдолларовая шуба

из новорожденных котиков. Меховая полость приятно грела.

Бобби вытащил из кармана папиросу и принялся чиркать спичкой.

— Брось папиросу! — сказал Чероки спокойно, но каким-то новым голосом.

После некоторого колебания Бобби швырнул папиросу в снег.

— Брось всю коробку, — приказал новый голос.

Мальчик повиновался не сразу, но все же исполнил и этот приказ.

— Эй! — сказал вдруг Бобби. — А ты мне нравишься. Не пойму даже почему. Попробовал бы кто-нибудь так надо мной командовать!

— Послушай, малыш, — сказал Чероки обыкновенным голосом. — А ты не врешь, что твоя мать целовала эту карточку? Ту, что на меня похожа?

— Не вру. Сам видел.

— Ты, кажется, что-то говорил насчет ружья?

— Ну да. А что? Есть у тебя?

— Завтра получишь. С серебряными нашлепками.

Чероки поглядел на часы.

— Половина десятого. Что ж, мы с тобой доберемся до Гранитной Стрелки как раз к празднику, минута в минуту. Тебе не холодно? Садись поближе, сынок.

1904

С праздником!

Перевод Владимира Азова

Невозможно больше писать рождественские рассказы. Фантазия вся исчерпана, а газетная хроника фабрикуется ловкими молодыми журналистами, рано женившимися и обладающими

симпатичным пессимистическим взглядом на жизнь. Мы, таким образом, ограничены в наших сезонных заготовках двумя чрезвычайно сомнительными источниками — фактами и философией. Начнем с… называйте это как вам угодно.

Дети — вредные маленькие существа, с которыми нам приходится ладить при самых разнообразных условиях. В особенности, когда их постигает какое-нибудь горе, мы совершенно теряем голову. Мы исчерпываем наш скудный запас утешений и затем прогоняем их, плачущих, спать. После этого мы копаемся в пыли миллионов лет и спрашиваем у Бога почему? Детей понимают только старые девы, горбуны и овчарки.

А теперь обратимся к обстоятельствам дела о лоскутной кукле, оборванце и двадцать пятом декабря.

Десятого числа этого месяца ребенок миллионера потерял свою лоскутную куклу. Во дворце миллионера на Гудзоне было много слуг; они обыскали весь дом и парк, но потерянного сокровища не нашли. Девочке было пять лет; это был один из тех упрямых зверенышей, которые оскорбляют чувства богатых родителей, сосре-

доточив свою привязанность на какой-нибудь вульгарной дешевой игрушке.

Ребенок огорчался глубоко и искренно; это необычайно удивляло миллионера, для которого лоскутно-кукольный рынок был не более интересен, чем акции какой-нибудь третьестепенной газовой компании; удивлялась также и леди, мать ребенка, которая стояла всецело за этикет, то есть почти всецело, как мы увидим ниже.

Ребенок плакал безутешно; глазки его впали, коленки дрожали, ножки тряслись, и весь он развинтился до последней степени. Миллионер улыбался и с доверием похлопывал по своему бумажнику. Отборнейшие игрушки со складов французских и немецких игрушечных фабрикантов были переброшены экстренно в особняк; но Рейчел была неутешна. Она плакала по своем погибшем тряпичном ребенке и стояла за запретительные пошлины на всякую иноземную ерунду. Затем были приглашены врачи с наилучшими возлекроватными манерами и хронометрами. Один за другим они бесплодно что-то бормотали про пептоновое марганцево-кислое железо, морской воздух и гипофосфат, пока их замечательные хронометры не напоминали им, что мистер Гонорар ждет ответа. В конце концов они,

как простые смертные, советовали разыскать как можно скорее куклу и возвратить ее оплакивающей ее родительнице. Ребенок фыркал на всю эту терапевтику, сосал палец и вопил по своей Бетси. Тем временем не переставали поступать телеграммы от Рождественского деда, в которых Дед извещал, что он скоро прибудет, и увещевал всех обнаружить истинный христианский дух, оставив на время игорные дома и политику, чтобы встретить его с подобающей честью. Дух Рождества носился в воздухе. Банки отклоняли учет, ломбарды удвоили штат служащих, на улице разносчики набивали вам шишки на лбу, суя вам под нос красные игрушечные санки. В окнах магазинов были выставлены гирлянды из омелы; у кого имелись шубы, те надевали их. Одним словом, время было самое неподходящее для потери тряпичной куклы — радости своего сердца.

Если бы любознательный друг доктора Ватсона был приглашен для раскрытия этого таинственного исчезновения, он, может быть, обратил бы внимание на известную картину «Вампир» на стене миллионерского особняка. По индукции это быстро привело бы его к следующему заключению: «Тряпка, кость и клок волос». Флип, шотландский терьер, ближайшее после куклы

существо к сердцу девочки, стрельнул через комнату. Клок волос! Ага! *X* — неизвестная величина — означает тряпичную куклу. Но кость! Эврика! Когда собаки находят кость, они ее… Готово! Ничего не было бы легче, как освидетельствовать передние лапы Флипа. «Смотрите, Ватсон! Земля, сухая земля между пальцами! Ясное дело: собака…» Но там не было Шерлока, и это дело, таким образом, отпадает. Требуется интервенция топографии и архитектуры.

Дворец миллионера занимал обширное пространство. Перед фасадом была лужайка, подстриженная так коротко, что она напоминала щеки ирландца через два дня после бритья. По одной стороне ее, фасадом на другую улицу, были расположены службы и находились гаражи и конюшни. Шотландский терьер похитил куклу из детской, потащил ее на лужайку, вырыл яму в уголке и закопал ее там по способу недобросовестных гробовщиков. Тайна, значит, раскрыта, и не надо писать чек мифическому чудодею и совать пятерку полицейскому сержанту. Спустимся теперь, усталый читатель, поближе к центру всей этой истории — к рождественской ее сердцевине.

Фези был пьян — не буйно, не беспомощно и

не болтливо пьян, как можем быть пьяны вы или я, но прилично, соответственно и безобидно, как и подобает джентльмену, оказавшемуся в стесненных обстоятельствах.

Фези был рыцарем неудачи. Шоссе, стог сена, скамейка в парке, кухонная дверь, горечь благотворительной койки с приспособлением для душа, мелкие находки и унизительные щедроты большого города — таковы последовательные главы его истории.

Фези шел по направлению к реке по улице, прилегавшей к службам миллионерского особняка. Он увидел ногу Бетси, пропавшей лоскутной куклы, высунувшуюся из своей преждевременной могилы, в углу ограды, как ключ к тайне какого-то лилипутского убийства. Вытянув несчастную Бетси и сунув ее под мышку, он пошел своей дорогой, напевая песенку, содержание которой ни одна кукла, воспитанная для приличной жизни под кровлей, не должна была бы слышать. Хорошо, что у Бетси не было ушей, и хорошо, что у ней не было глаз, кроме слепых черных кружков; потому что физиономии Фези и шотландского терьера были схожи, как лица двух родных братьев, и ни одна лоскутная кукла не выдержала бы вторичного плена у таких страшных чудовищ.

Надо вам знать, что салун Грогана находится близ реки, в конце улицы, по которой шел Фези. У Грогана рождественское веселье было уже в полном разгаре.

Фези вошел туда с своей куклой. У него явился план — выступить в качестве мима на этих сатурналиях. Авось и ему перепадет несколько капель из чаши веселья.

Посадив Бетси на стойку, он обратился к ней с громкой и веселой речью, уснащая свою речь комплиментами и нежностями, как кавалер, занимающий свою зазнобу. Пьяницы оценили шутку и гоготали. Бармен налил Фези стаканчик. Что же? Многие из нас извлекают тоже, что могут, из лоскутных кукол.

— А для барышни? — нахально воскликнул Фези и опустил за галстук повторное воздаяние искусству.

Он начал видеть в Бетси кое-какие возможности. Премьера прошла с несомненным успехом. Ему начало уже мерещиться турне по городским кабакам.

В группе у печки сидели Голубь МакКарти, Черный Рейли и Одноухий Майк, пользовавшиеся большой и очень скверной репутацией в хулиганском районе, черневшем на левом берегу

реки. Истрепанный газетный лист ходил у них по рукам. Каждый из них тыкал своим заскорузлым пальцем в одно место. Это было объявление, озаглавленное: «Сто долларов вознаграждения». Чтобы заработать эту сумму, требовалось возвратить пропавшую, заблудившуюся или украденную из дома миллионера лоскутную куклу.

Очевидно, тоска продолжала еще неослабно грызть душу любвеобильного ребенка. Флип, терьер, тщетно кувыркался перед ним и тряс своей смешной лохматой мордой. Девочка оплакивала свою Бетси прямо в лицо расхаживающим, болтающим, говорящим «мама» и закрывающим глаза французским куклам. Объявление было последней попыткой.

Черный Рейли вышел из-за печки и подошел своей обычной односторонней параболической походкой к Фези.

Рождественский лицедей, окрыленный успехом, засунул было уже Бетси под мышку и собирался отправиться собирать плоды своих импровизаций в другой салун.

— Эй, стрелок, — обратился к нему Рейли. — Где ты откопал эту куклу?

— Эту куклу? — переспросил Фези, дотронув-

шись до Бетси, чтобы убедиться, что речь идет именно о ней. — Эта кукла была презентована мне белуджистанским императором. У меня имеется еще семьсот других в моем загородном особняке, в Ньюпорте…

— Брось балаганить, — сказал Рейли. — Ты или свистнул ее, или подобрал ее там, в особняке, на горке… впрочем, это не важно. Хочешь получить полдоллара за эту тряпку? Чего думаешь-то? У моего брата девчурка дома. Куплю ей на праздник, пускай забавляется. Ну?

Он предъявил монету.

Фези засмеялся ему в лицо хриплым наглым алкогольным смехом. Подите к антрепренеру Сары Бернар и предложите ему освободить ее от вечернего представления для участия в семейном художественном вечере школьного литературного кружка. Вы услышите тогда дубликат этого смеха.

Черный Рейли быстро оценил Фези одним взглядом своих черничных глаз, как профессиональный борец своего противника. У него зачесались руки от желания сыграть римлянина и исторгнуть лоскутную сабинянку из объятий импровизированного балагура. Но он сдержался. Фези был жирен, крепко сбит и большого роста.

Три дюйма хорошо упитанного тела, защищенного от зимних ветров грязным бельем, служили интервалом между его жилетом и брюками. Бесчисленные мелкие круглые морщинки на рукавах и коленях гарантировали качество его мускулов. Его маленькие синие глазки смотрели кротко, но без смущения. Он был волосат, пьянноват, физически грозен. Так что Черный Рейли медлил.

— Что возьмешь за нее, говори? — спросил он.

— Не продажная, — сухо и твердо ответил Фези.

Он был опьянен первой сладкой чашей артистического успеха. Посадить на стойку вылинявшую, запачканную в земле лоскутную куклу, изобразить с нею мимическую сцену и почувствовать, как сердце бьется от заслуженных аплодисментов, а глотку обжигает даровыми возлияниями — может ли презренный металл заменить столь святые ощущения? Согласитесь, что Фези обладал темпераментом.

Он вышел походкой ученого моржа на соискание дальнейших кабацких триумфов.

Хотя сумерки еще не сгустились, огни начали уже выскакивать там и сям по городу, как маисовые зерна, лопающиеся в кастрюле. Канун

Рождества, ожидаемый с нетерпением, выглядывал уже красными глазами из-под часовой стрелки. Миллионы готовились встретить его. Город решили превратить в сплошной карнавал. Вы сами уже слышали трубные звуки и обходили через несколько улиц кругом, чтобы не столкнуться с жрецами сатурналий.

Голубь Мак-Керти, Черный Рейли и Одноухий Майк устроили быстрое совещание на улице против грогановского салуна. Они были все трое узкогрудые, бледные юноши, не бойцы в открытую, но по своим боевым приемам они были опаснее страшнейшего из турок. В правильном бою Фези съел бы всех троих без соли, но в свалке, в так называемой борьбе «кто во что горазд», он, разумеется, был обречен.

Они нагнали его как раз в тот момент, когда он и Бетси входили в казино Костигана. Остановив его, они сунули ему под нос газету.

— Ребята, — сказал он, — вы, я вижу, действительно дьявольски хорошие друзья. Дайте мне неделю на размышление.

Душа настоящего артиста всегда взмывает кверху в затруднительном положении.

Ребята осторожно указали ему на то, что объявления вообще бездушны и что синица в руках

лучше журавля в небе.

— Сотняга чистоганом, — задумчиво произнес Фези. — Ребята, — продолжал он, — вы верные друзья. Я пойду и потребую вознаграждение. Театральные дела теперь действительно не того.

Ночь надвигалась более быстрым темпом. Тройка тащилась по его пятам и сопровождала его до начала подъема, на котором стоял особняк миллионера. Фези сердито обернулся к ним.

— Вы, свора беломордых вонючих щенков! — зарычал он. — Пошли вон!

Они отошли. Немного.

У Голубя Мак-Карти лежал в кармане кусок газовой трубы толщиной в дюйм и длиной в восемь дюймов. Один конец ее был плотно залит свинцом. Черный Рейли, как уважающий себя хулиган, имел при себе тяжелый металлический шар, прикрепленный к короткому ремню. Одноухий Майк всецело полагался на пару железных кулаков — наследственное достояние в его роде.

— Зачем нам самим трудиться, подниматься в гору, — сказал Черный Рейли, — когда мы можем послать другого? Пусть он вынесет нам деньги сюда.

— Хорошо бы бросить его в воду с камнем, привязанным к ногам, — предложил Голубь

Мак-Карти.

— Вы, арапы, чушь городите, уши вянут, — грустно сказал Одноухий Майк. — Видно, прогресс еще не коснулся вас. Брызнуть ему в глаза газолину и положить посреди дороги. Плохо, что ли?

Фези вошел в парадный двор дома миллионера и зигзагами направился к мягко сиявшему входу в особняк. Три гнома подошли к воротам и остановились — двое по обе стороны ворот и один против ворот на дороге. Каждый из них потихоньку ощупывал свое оружие.

Глуповато и мечтательно улыбаясь, Фези позвонил. Повинуясь атавистическому инстинкту, левая его рука потянулась было к пуговке на перчатке правой руки. Но он не носил перчаток, и левая рука смущенно опустилась.

Особенный наемник, чья специальная обязанность заключалась в открывании дверей перед шелками и кружевами, испугался при первом взгляде на Фези. Но следующий его взгляд увидел под мышкой у Фези паспорт, входную карточку, мандат на радушный прием: пропавшую лоскутную куклу хозяйской дочери.

Фези был впущен в просторную прихожую, тускло освещенную скрытыми лампами. Наймит ушел и вернулся с горничной и ребенком. Кукла

была возвращена по принадлежности. Девочка прижала к сердцу свою пропавшую любимицу и вслед за тем с невоздержанным и откровенным детским эгоизмом стукнула ножкой и выразила ненависть и страх по адресу отвратительного субъекта, исторгнувшего ее из омута скорби и отчаяния. Фези распустил свою физиономию в идиотскую улыбку и тошнотворно засюсюкал тоном, который считается обольстительным для распускающегося детского интеллекта. Девочка заплакала и была уведена с Бетси, крепко прижатой к ее груди.

Тогда на сцену явился секретарь, бледный, важный, полированный, в скользких башмаках, боготворящий помпу и церемонность. Он отсчитал в руку Фези десять бумажек по десять долларов, бросил взгляд на дверь, перебросил его потом на Джемса, ее хранителя, скользнул им по невзрачному акцептанту и разрешил своим башмакам отнести его назад, в его секретарские пределы.

Джемс направил свой собственный повелительный взгляд сначала на Фези, а потом на входную дверь. Когда деньги коснулись грязной ладони Фези, его первым импульсом было задать стрекача; но второй импульс удержал его

от такого нарушения этикета. Деньги принадлежали ему, они были ему даны. Какой рай они открывали его мысленному взору! Он скатился к самому подножью житейской лестницы; он был голодный, бесприютный, одинокий, оборванный, озябший бродяга; а в руке его лежал ключ к грязному раю, по которому он тосковал. Сказочная кукла взмахнула волшебным жезлом, который она держала в своей набитой тряпками руке. Теперь, куда бы он ни направился, чудесные храмы с полированными медными опорами для ног и магическими красными жидкостями в блестящем хрустале будут открыты для него.

Он последовал за Джемсом к двери.

Но когда ливрейный наемник распахнул перед ним тяжелую дверь красного дерева, ведущую в вестибюль, он остановился.

За узорной железной решеткой, на темной улице, как бы случайно, прогуливались Черный Рейли и его два товарища, ощупывая под платьем орудия, гарантировавшие переход вознаграждения за найденную лоскутную куклу к ним.

Фези остановился у дверей и собрался с мыслями. Как маленькие побеги омелы на мертвом дереве, какие-то зеленые живые образы и воспоминания зашевелились в его ходуном ходившей

голове. Он был пьян, и настоящее начинало бледнеть перед ним. Эти зеленые венки и гирлянды с красными бусинками ягод, так смягчавшие суровость этого большого вестибюля, где он видел их раньше? Когда-то и он знал полированные полы и запах свежих цветов зимою, и кто-то пел песнь где-то в глубине дома, и ему казалось, что и эту песнь он когда-то слышал. Кто-то пел и играл на арфе. Конечно! Рождество!

И он ушел от настоящего, и из какого-то невозможного, исчезнувшего, невозвратимого прошлого вернулось к нему маленькое, чистое, белое, прозрачное, забытое видение — дух noblesse oblige.

Джемс открыл наружную дверь. Луч света упал на укатанную дорожку к воротам. Черный Рейли, Мак-Карти и Одноухий Майк как бы невзначай перебросили свой зловещий кордон поближе к калитке.

С жестом, более величественным, чем когда-либо употребил или мог употребить сам повелитель Джемса, Фези заставил этого наемника закрыть дверь. Некоторые обстоятельства обязывают джентльмена в Рождество.

— Ты не знаешь порядков, — сказал он взволнованному Джемсу. — Когда джентльмен приходит

в дом в канун Рождества, он должен поздравить с праздником хозяйку дома. Понял?

Произошел спор. Джемс проиграл. Фези возвысил голос, и он прогремел неприятным эхом внутри дома. Я не сказал, что он был джентльменом. Он был просто бродягой, которого навестило привидение.

Зазвенел серебряный колокольчик. Джемс побежал на звонок, оставив Фези в холле. Джемс где-то кому-то что-то объяснял.

Затем он пришел и провел Фези в библиотеку.

Через минуту вошла хозяйка дома. Она была красивее и святее, чем на любой из картин, которые Фези когда-либо видел. Она улыбнулась и сказала что-то про куклу. Фези не понял ее: он ничего не помнил про куклу.

Лакей внес два маленьких бокала с пенящимся вином на чеканном серебряном подносе. Леди взяла один бокал, другой был подан Фези.

Когда пальцы его сомкнулись вокруг стройной ножки бокала, его немощь покинула его на одно мгновенье. Он выпрямился, и время, столь мало предупредительное к большинству из нас, обратилось вспять, чтобы поддержать Фези.

Забытые рождественские видения, белее фальшивых бород самых дорогих дедушек-морозов,

кружились перед ним в парах гроганского виски. Что было общего между особняком миллионера и длинным залом в Вирджинии, где мужчины сгруппировались вокруг серебряной чаши с пуншем, провозглашая переходящий из рода в род тост старого дома? И какое отношение имеет стук копыт извозчичьих лошадей по мерзлой мостовой к ржанью оседланных охотничьих лошадей, нетерпеливо перебирающих ногами под сенью веранды? И что было общего у Фези со всем этим?

Леди взглянула на Фези поверх своего бокала, и снисходительная улыбка на ее лице померкла, как ложная заря. Ее глаза приняли серьезное выражение. Под лохмотьями и бородой шотландского терьера она заметила что-то другое, непонятное ей. Но, в общем, это не имело для нее особого значения.

Фези поднял стакан и неопределенно улыбнулся.

— Пр-ростите, мэдем, — произнес он, — но я не мог покинуть дом, не поздравив хозяйку с праздником. Было бы против принципов джентльмена…

И он затянул старинное поздравление, которое было традиционным в доме в ту пору, когда муж-

чины носили на манжетах кружева и пудрили себе лица.

— Благоденствие…

Память изменила Фези. Леди подсказала:

— Да снизойдет на сей очаг…

— Гостя… — заикнулся Фези.

— И на нее, которая… — продолжала леди с одобряющей улыбкой.

— Э, да ну его! — грубо оборвал Фези. — Ни черта не помню!

— Ваше здоровье!

Фези расстрелял свои патроны. Они выпили. Леди опять улыбнулась — улыбкой своей касты. Джемс обнял Фези и проводил его до дверей. Звуки арфы все еще мягко проносились по дому.

Снаружи Черный Рейли дул себе в озябшие руки и жался к калитке.

— Хотела бы я знать… — задумчиво сказала леди. — Хотела бы я знать: воспоминания — проклятие или благодать для тех, кто так низко пал?

Фези и его провожатый приближались к двери.

Леди позвала:

— Джемс!

Джемс рабски бросился обратно, оставив Фези в нерешительном ожидании. Мимолетная вспыш-

ка божественного пламени уже выдохлась в нем.

Снаружи Черный Рейли топал окоченевшими ногами и крепче сжимал свою газовую, налитую свинцом трубку.

— Проводите этого джентльмена вниз, — приказала леди, — и скажите Луи, чтобы он вывел «мерседес» и отвез этого джентльмена, куда он укажет.

1906

День, который мы празднуем

***Перевод Зиновия Львовского*[13]**

— В тропиках, — сказал Бибб Попрыгун, торговец заморскими птицам и, — все перемешано;

---

[13] Примечания: 13

Зиновий Давыдович Львовский (1881–1943) — российский и французский литератор, переводчик с английского, французского, немецкого, норвежского языков. В 1926 г. эмигрировал во Францию, где переводил на французский язык с немецкого и английского. После оккупации Франции Германией 21 июня 1941 года как иностранный подданный еврейского происхождения арестован в пригороде Парижа, 7 октября 1943 года этапирован в концлагерь Освенцим, где спустя несколько дней погиб.

лето, зима, весна, каникулы, уик-энды и прочее сбиты в одну колоду и перетасованы; сам черт вам не скажет, настал или нет Новый год, и еще полгода пройдет, пока разберешься.

Лавочка Бибба — в самом начале Четвертой авеню. Бибб был когда-то матросом и портовым бродягой, а теперь регулярно ездит в южные страны и привозит оттуда, на собственный страх и риск, словоохотливых какаду и попугаев-филологов. Бибб хромает, упрям, у него железные нервы. Я зашел в его лавочку, чтобы купить к Рождеству попугая для тети Джоанны.

— Вот этот, — сказал я, отмахиваясь от лекции Бибба на календарные темы, — красный, белый и синий. Откуда такая зверюга? Цвета его льстят моей патриотической спеси. К тому же я нечувствителен к цветовой дисгармонии.

— Какаду из Эквадора, — ответствовал Бибб. — Пока знает только два слова, «Счастливого Рождества!», зато к самому праздничку. Отдаю за семь долларов. За те же два слова вам случалось платить и дороже, не правда ли?

И Бибб разразился внезапным громовым хохотом.

— Этот птенчик, — сказал он, — пробуждает у меня кое-что в памяти. В праздниках он, конечно,

разбирается слабо. Уж лучше бы возглашал «E Pluribus Unum»[14] по поводу собственной масти, чем выступать на ролях Санта-Клауса. А напомнил он мне, как у нас с Ливерпулем-Сэмом как-то раз в Коста-Рике все в голове перепуталось из-за погоды и прочих тропических штучек.

Мы с Ливерпулем сидели в тех краях на мели; карманы были пустые, у кого призанять, тоже не было. Мы приехали, он кочегаром, я — помощником кока, на пароходе из Нового Орлеана, прибывшем за фруктами. Хотели попробовать здесь удачи, да пробовать не пришлось — дегустацию отменили. Занятий, отвечающих нашим склонностям, не было, и мы перешли на диету из красного рома с закуской из местных фруктовых садов, когда нам случалось пожать, где не сеяли.

Городок Соледад стоял на наносной земле, без порта, без всякого будущего и без выхода из положения. Когда пароходов не было, городок сосал ром и дремал, открывая глаза лишь для погрузки бананов. Вроде того человека, который, проспав весь обед, продирает глаза, когда подают сладкое.

---

[14] Примечания: 14

«Из многих — единое!» *(лат.)* С 1782 года девиз на лицевой стороне Большой печати США, как указание на возникновение из союза первоначальных тринадцати колоний новой единой нации.

Мы с Ливерпулем опускались все ниже и ниже; и когда американский консул перестал с нами здороваться, мы поняли, что коснулись самого дна.

Квартировали мы у табачного цвета дамы по имени Чика, державшей распивочную и ресторанчик для более чистой публики на улице Сорока Семи Безутешных Святых. Наш кредит подходил к концу, и Ливерпуль, всегда готовый продать свой noblesse oblige[15] за набитое брюхо, решил повенчаться с хозяйкой. Этой ценой мы держались еще целый месяц на жарком из риса с бананами. Но, когда как-то утром Чика, с мрачной решимостью ухватив свою глиняную жаровню — наследие палеолита, — задала Ливерпулю-Сэму пятнадцатиминутную трепку, стало ясно без слов — эпоха гурманства кончилась.

В тот же день мы пошли и подписали контракт с доном Хаиме Мак-Спиноза, метисом и обладателем банановой рощи. Подрядились трудиться в его заповеднике, в девяти милях от города. Другого выбора не было — нам оставалось питаться морской водой со случайными крохами сна и какой-нибудь жвачки.

---

[15] Примечания: 15
Высокое положение обязывает *(фр.)*.

Не стану хулить вам сейчас или чернить Ливерпуля-Сэма, я говорил ему те же слова и тогда. Но я полагаю, что, если британец впадает в ничтожество, ему надо ловчее крутиться; иначе подонки других национальностей наплюют ему прямо в глаза. Если же этот британец вдобавок из Ливерпуля, можете быть совершенно уверены, спуску ему не дадут. Я лично природный американец, и таково мое мнение. Что касается данного случая, мы были с Ливерпулем на равных. Оба в лохмотьях, без денег, без видов на лучшее, а нищие, как говорится, всегда заодно.

Работа у Мак-Спинозы была такая: мы лезли на пальму, рубили гроздья плодов и грузили их на лошадок, после чего кто-нибудь из туземцев в пижаме с крокодиловым поясом и мачете в руке вез бананы на взморье. Случалось ли вам квартировать в банановой роще? Тишина, как в пивной в семь утра. И пойдешь — не знаешь, где выйдешь, словно попал за кулисы в музыкальный театр. Пальмы такие густые, что неба не видно. Под ногами гниющие листья, по колено проваливаешься. И — полнейший мир и покой: слышно, как лезут на свет молодые бананы на место старых, что мы с Ливерпулем срубили.

Ночи мы коротали в плетеной лачужке у самой

лагуны, в компании служивших у дона Хаиме красно-желтых и черных коллег. Били москитов, слушали вопли мартышек и хрюканье аллигаторов, и так до рассвета, чуть-чуть забываясь сном.

Вскорости мы позабыли о том, что такое зима и что лето. Да и где тут понять, если восемьдесят по Фаренгейту и в декабре, и в июне, и в пятницу, и после полуночи, и в день выборов президента, и в любой другой Божий день. Иной раз дождь хлещет покруче, и в этом вся разница. Живет себе человек, не ведая бега времени, и в самую ту минуту, когда он решил наконец покончить с этой мурой и заняться продажей недвижимости — бац! — вдруг приходят за ним из Бюро похоронных процессий.

Не сумею вам точно сказать, сколько мы проторчали у дона Хаиме. Помню, что миновало два-три сезона дождей, раз семь или восемь мы подстригали отросшие бороды и напрочь сносили по три пары брезентовых брюк. Все деньги, что мы получали, уходили на ром и на курево, но харч был хозяйский, а это великое дело.

И все же ударил час, когда мы с Ливерпулем почувствовали, что с этой банановой хирургией пора кончать. Так бывает со всеми белыми в Южной Америке. Вас вдруг схватывает словно бы

судорога или внезапный припадок. Хочется, вынь да положь, побалакать по-своему, взглянуть на дымок парохода, прочитать объявление в старой газете о распродаже земельных участков или мужского платья.

Соледад манил нас теперь как чудо цивилизации, и под вечер мы сделали ручкой дону Хаиме и отрясли прах плантации с наших ног.

До Соледада было двенадцать миль, но мы с Ливерпулем промучились двое суток. Попробуй найди дорогу в банановой роще. Легче в нью-йоркском отеле через посыльного отыскать нужного вам человека по фамилии Смит.

Когда впереди, сквозь деревья, замелькали дома Соледада, я вдруг с новой силой почувствовал, как действует мне на нервы Ливерпуль-Сэм. Я терпел его, видит Бог, пока мы, двое белых людей, были затеряны в море желтых бананов. Но теперь, когда мне предстояло снова увидеть своих, обменяться, быть может, с каким-нибудь землячком парой-другой проклятий, я понял, что первый мой долг — окоротить Ливерпуля. Ну и видик же был у него, доложу вам: борода ярко-рыжая, синий нос алкоголика и ноги в сандалиях, распухшие, как у слона. Впрочем, возможно, и я был не худшим красавцем.

— Насколько разумнее было бы, — говорю я ему, — когда бы Великобритания держала бы под замком подобных лакателей рома и жалких подонков и не оскверняла бы их присутствием заморские страны. Мы уже раз задали вам знатную взбучку в Америке, но придется, я вижу, надеть калоши и снова набить вам морду.

— А поди ты туда и туда, — говорит Ливерпуль. Других аргументов я от него не слышал.

После плантации дона Хаиме Соледад показался нам совсем недурным городишкой. Мы с Ливерпулем бок о бок пустились знакомым путем, мимо отеля Grande и каталажки, через центральную plaza и дальше к домику Чики, где Ливерпуль, на правах законного мужа, мог раздобыть нам обоим что-нибудь пожевать.

Минуя двухэтажное деревянное здание Американского клуба, мы заметили, что балкон разукрашен цветами и гирляндами из вечнозеленых кустарников, а на флагштоке на крыше развевается флаг. На балконе дымили сигарами Стэнци, наш консул, и Аркрайт, владелец золотых рудников. Мы помахали им давно не мытыми лапами и выдали по ослепительной светской улыбке, но они повернули спину, словно нас и не видели. А не так ведь давно мы все вместе

играли в покер, правда, до первого случая, когда Ливерпуль потянул из-за пазухи комплект запасных тузов.

По всему было видно, что праздник, но летний, осенний или, может, весенний — угадать было мудрено.

Еще немного пройдя, мы увидели Пендергаста, священника, проживавшего в Соледаде, чтобы строить тут церковь. Преподобный стоял под кокосовой пальмой в черном куцем альпаковом пиджачке и с зеленым зонтом в руках.

— Ах, мальчики, мальчики! — сказал он, взирая на нас сквозь синие стекла очков. — Я вижу, дела совсем плохи. Неужели дошли до крайности?

— До самой последней крайности, — сказал я ему. — До мельчайших дробей.

— Сколь прискорбно, — сказал Пендергаст, — видеть своих земляков в таких обстоятельствах.

— Что ты мелешь? — сказал Ливерпуль. — Я отпрыск аристократической английской фамилии.

— Заткнись! — сказал я Ливерпулю. — Ты на территории иностранной державы.

— И в такой торжественный день, — продолжал Пендергаст, — в этот светлый великий день, когда мы торжествуем победу над злом и рождение христианской цивилизации.

— Мы приметили, — говорю, — преподобнейший, что город украшен цветами и флагами, но не сразу сумели смекнуть, что за день вы тут празднуете. Не листали давненько календаря, даже толком не знали, лето сейчас или осень.

— Вот вам по доллару, — говорит Пендергаст и достает две здоровенных серебряных чилийских монеты. — Ступайте, ребята, и проведите этот праздничный день как подобает.

Почтительно поблагодарив его, мы затопали дальше.

— Пожрем? — спросил я Ливерпуля.

— Ты спятил, — сказал Ливерпуль. — Кто на жратву тратит деньги?

— Хорошо, — сказал я, — раз ты так ставишь вопрос, выпьем по маленькой.

Зашли мы в кабак, взяли с ним кварту рома — и сразу на взморье, под сень кокосовой пальмы, чтобы отметить там праздничек.

Поскольку я двое суток кормился лишь апельсинами, то ром возымел свое действие, и я сразу почувствовал, что терпеть не могу англичан.

— Вставай, Ливерпуль, — говорю, — вставай, жалкий выходец из конституционно-монархической деспотии. Сейчас ты получишь еще один

Банкер-Хилл[16]. Пендергаст, благороднейший из людей, велел нам отметить праздник подобающим образом, и я сделаю все, чтобы его деньги не пропали впустую.

— А поди ты туда и туда, — сказал Ливерпуль.

И я навернул ему левой по правому глазу.

Ливерпуль был когда-то заправским бойцом, но алкоголь и дурная компания сделали из него тряпку. Через десять минут он лежал на песке и просил пардона.

— Поднимайся, — сказал я, лягая его под ребро, — поднимайся и следуй за мной.

Ливерпуль поплелся за мной, вытирая кровищу со лба и под носом. Я привел его прямо к дверям Пендергаста и попросил преподобного выйти на улицу.

— Взгляните, сэр, на него, — говорю, — вот останки того, кто считал себя гордым британцем. Вы нам дали два доллара и велели отметить праздник. Ура! Да здравствует звездно-полосное знамя!

— Боже мой! — сказал Пендергаст, помавая руками. — В такой день устроить побоище! В светлый день Рождества!

---

[16] Примечания: 16

При Банкер-Хилле в 1775 г. произошло одно из первых сражений Войны за независимость, в котором англичане понесли большие потери.

— В светлый день Рождества?! — сказал я. — К чертовой бабушке!! Разве сегодня не Четвертое июля[17]?

— Счастливого Рождества! — закричал красно-бело-синий какаду.

— Уступлю за шесть долларов, — сказал Бибб Попрыгун. — Птенец перепутал свои цвета и не разбирается в праздниках.

1911

[17] Примечания: 17

Четвертого июля американцы празднуют День независимости (освобождения от британского владычества).

Постскриптумы

***Перевод Анатолия Д’Актиля*[18]**

[18] Примечания: 18

Анатолий Адольфович Д’Акти́ль (Но́сон-Но́хим Абрамович Френкель, 1890–1942) — поэт-песенник, драматург, писатель-сатирик и переводчик. Стал широко известен как автор текста «Марш энтузиастов» на музыку Исаака Дунаевского. С начала Великой Отечественной войны до августа 1942 года работал в Ленинграде. Из блокадного города был вывезен в Молотов (Пермь), где вскоре умер.

Зеленый

— Я впредь буду иметь дело только с опытными приказчиками, освоившимися со всеми особенностями ювелирной торговли, — сказал вчера хаустонский ювелир своему другу. — Видите ли, на Рождество мы обычно нуждаемся в помощи и часто берем на эти дни людей, которые являются прекрасными приказчиками, но не посвящены в тонкости именно ювелирного дела. И вот тот вон молодой человек чрезвычайно исполнителен и вежлив со всеми, но благодаря ему я только что потерял одного из лучших своих клиентов.

— Каким образом? — спросил друг.

— Господин, всегда покупающий у нас, зашел с женой неделю тому назад, дал ей выбрать великолепную брилльянтовую булавку, обещанную им в качестве рождественского подарка, и просил этого молодого человека отложить ее для него до сегодня.

— Понимаю, — сказал друг, — он продал ее кому-то другому, к великому разочарованию вашего клиента.

— Вы, по-видимому, недостаточно хорошо знаете психологию женатых людей, — сказал ювелир. — Этот идиот действительно сохранил

отложенную булавку, и тому пришлось купить ее.

Справедливая вспышка

Он источал запах джина, и его бакенбарды походили на цилиндрики музыкального ящичка. Он вошел вчера в игрушечный магазин на главной улице города и с убитым видом прислонился к прилавку.

— Что-нибудь прикажете? — холодно спросил владелец.

Он вытер глаза красным платком далеко не первой свежести и сказал:

— Ничего решительно, благодарю вас. Я просто зашел сюда пролить слезу. Я не люблю делать свидетелями моего горя случайных прохожих. У меня есть маленькая дочка, сэр, пяти лет от роду, с золотыми вьющимися волосиками. Ее зовут Лилиан. Она говорит мне нынче утром: «Папа, Рождественский дед принесет мне на Рождество красный вагончик?» Это лишило меня последних сил, сэр, потому что, увы, я без работы и не имею ни гроша. Подумайте только, один красный вагончик сделает ее счастливой, а ведь есть дети, у которых сотни красных вагонов!

— Прежде чем вы покинете магазин, — сказал

владелец, — а вы это сделаете через какие-нибудь пятнадцать секунд, я считаю долгом довести до вашего сведения, что мой магазин имеет отделение на Трэйнс-стрит, в каковом отделении я вчера и находился. Вы вошли и сообщили то же самое о вашей маленькой девочке, которую вы назвали Дэйзи, и я дал вам вагон. По-видимому, вы плохо помните имя вашей маленькой девочки.

Человек с достоинством выпрямился и направился к двери. Достигнув ее, он повернулся и сказал:

— Ее имя Лилиан-Дэйзи, сэр, а в вагоне, который вы мне дали, одно колесо соскакивает и с ручки сцарапана краска. У меня есть друг, владелец бара на Виллоу-стрит, который хранит его для меня до Рождества, но мне будет стыдно за вас, сэр, когда Лилиан-Дэйзи увидит этот старый, исцарапанный, дребезжащий, из вторых рук, оставшийся с прошлого года вагон. Но, сэр, когда Лилиан-Дэйзи опустится вечером на колени перед своей маленькой кроваткой, я скажу ей, чтобы она помолилась за вас и попросила Небо смилостивиться над вами. Есть у вас под рукой карточка с названием и адресом фирмы, чтобы Лилиан-Дэйзи правильно указала ваше имя в своей молитве?

1895–1896

Незаконченный святочный рассказ[19]

[19] Примечания: 19

Посмертно опубликованный, незавершенный рассказ из рукописей О. Генри. В основе его — игра с сюжетом традиционного святочного рассказа. Притворно заверив читателя, что он сторонник традиции, рассказчик всячески ускользает от обещанной святочной темы. Заглавие, по-видимому, дано издателями.

Перевод Абеля Старцева[20]

По-моему, святочный рассказ должен быть святочным. Новейшие авторы несут в рождественский номер журнала рассказы, из которых правдами и неправдами, с помощью тонких уловок и обходных маневров, вытравлен праздничный дух. Они так преуспели в своих коварных намерениях, что теперь единственный способ распознать, что рассказ святочный, — это искать под строкой примечание: «Действие в этом рассказе происходит 25 декабря. Ред.»

Успехи прогресса? Возможно. И тем не менее печально. Ведь святочных сюжетов на свете не стало меньше, оглянитесь вокруг. Что до меня, я сторонник старых добрых рассказов про Скруджа и Марли[21] и песнопений про Энни и Уилли. Я за то, чтобы ровно в полночь, с последним ударом часов, блудный сын возвратился в родительский дом, нагруженный говорящими куклами и куку-

---

[20] Примечания: 20

Абель Исаакович Старцев (Старцев-Кунин; 1909–2005) — филолог, критик и литературовед, переводчик, ученый-американист; специалист в области американской литературы и истории российско-американских общественно-культурных отношений. В 1949 г. арестован по обвинению в антисоветской пропаганде, осужден, в тюрьмах и лагерях провел 6 лет. Соредактор 12-томного собрания сочинений Марка Твена. Редактор 6-томного собрания сочинений Ф. Брет Гарта.

[21] Примечания: 21

Герои повести «Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса.

рузными хлопьями. И за то, чтобы просроченная закладная на этот ветхий, под соломенной крышей домик навсегда улетела в глубокий сугроб…

Так что не бойтесь подвоха с моей стороны. Чулок, набитый гостинцами, висит на каминной полке, дальше вас ждет плумпудинг, рождественский перезвон, а вот и богатый купец, одаряющий в приступе щедрости хромых мальчуганов-газетчиков свистульками по пенни за штуку.

Помню, мне как-то пришлось звонить у парадной двери (это не имеет отношения к рассказу, но тоже прелюбопытно). Дверь вела в меблированный пансион на Западной …надцатой улице. Я искал молодого художника-иллюстратора по фамилии Пэли. Он был родом из Терри-Хота, но потом переехал в Нью-Йорк. С моим святочным рассказом Пэли никак не связан. Называю его просто так, чтобы стало яснее, зачем я звонил у подъезда (есть ведь такие читатели, которым все надо знать). Дверь открыла хозяйка. Я встречал таких сотни. Еще не увидев ее, я учуял промозглый меблированный воздух, пытавшийся вырваться прочь из пансионной темницы.

Это была тучная женщина. Руки и лицо у нее были белые-белые, как будто ее вымачивали в бочке, наполненной уксусом. Она придерживала

у горла рукой фланелевую кофту без пуговиц, сшитую по какой-то неведомой миру моде. Ниже ее облегала, в цветах по черному полю, атласная длинная юбка, жесткие складки которой мели за ней пол.

Прочее все было желтым. Когда-то она окунула свою шевелюру в фонтан, где жила беззаботная нимфа Водородная Перекись, но теперь, по прошествии времени, грязно-седой колорит утвердил себя снова. Глаза у нее были желтые, зубы и ногти желтые. Отвислые щеки тряслись в унисон с шагами. На лице лежал отпечаток той неизбывной грусти, какую можно увидеть у пса на пороге покинутого хозяином дома.

Я сказал, что мне нужен Пэли. Долгий холодный взгляд выразил подозрительность. Потом послышался голос, тусклый, заношенный, как фланель ее кофты.

Пэли? Уверен ли я, что его зовут Пэли? Может быть, Сандерсон, третий этаж, окна во двор? Нет, я хочу видеть Пэли. Снова недвижный, пронзающий душу взгляд бледно-желтых глаз. Мне не удастся ее провести, все мои жалкие фокусы будут раскрыты. Мистер Томкинс живет на втором этаже, окна на улицу. Не его ли мне надобно? Томкинс ходит в ночную смену, возвращается в

семь утра. Или, может быть, Таккер (вот он, ваш пресловутый Пэли!), Таккер приходит к пяти…

Я уперся, мне нужен Пэли. Пэли? Такого нет. Банг! Дверь захлопнулась. Послышался скрежет задвижек.

Я спустился с крыльца и задумался. Номер дома был 43. Пэли сказал 43. А вдруг он сказал 45? Или, может быть, 47? Пропущу один дом, попытаю счастья у 47-го.

Звонок. Дверь раскрылась. Там стояла та самая женщина. Дело было не в сходстве. Та же самая женщина придерживала у шеи рукой ту же самую кофту, вперив в меня желтый взгляд, словно видя меня впервые. Уже примеченный мной черно-красный след от ожога, полученного, вернее всего, у раскаленной плиты, красовался на сгибе ее среднего пальца.

За время, что я стоял, раскрыв рот и тараща глаза, другой мог бы без спешки досчитать до пятидесяти. Я ни слова не молвил о Пэли, я забыл его имя начисто. Далее я действовал как человек, не лишенный присутствия духа, но притом понимающий, что в природе есть силы, тайны которых нам до конца не открыты. Пятясь, я слез с крыльца, потом быстро пошел по улице, не глядя ни вправо, ни влево, только вперед. Увы, сколь

тревожны, подумал я, встречи с подобным феноменом для специалиста-психолога. А как насчет тех, кто занимается переписью населения?

Позднее все разъяснилось — обычная судьба необъяснимых явлений.

Хозяйка, являвшаяся мне дважды в дверях, была миссис Кэннон. Она сняла для своего пансиона три дома подряд, а потом, пробив стены, соединила их сквозным коридором. Сама жила в среднем доме и откликалась на звонки во всех трех.

Но к чему я так задержался с этим прологом? Можно было сделать короче. Просто крикнуть, как водится в штатах Среднего Запада: «Знакомьтесь, господа, миссис Кэннон!»

Дело в том, что как раз в ее триедином доме разыгралось действие моего святочного рассказа. Толкуя с ее квартирантами, я выяснил факты, неоспоримые факты, я встретил там Стикни и — главное — увидел тот галстук.

Рождество в этом году выпало на четверг, снег тоже выпал в четверг.

Что касается Стикни (Гарри-Кларенса-Фаулера Стикни, если кто пожелает знать полностью имя, полученное им при крещении), то он прибыл по адресу в среду, в половине седьмого вечера (прибыл по адресу — на нью-йоркском наречии

означает вернулся домой). Стикни живет в доме 45 по Западной …надцатой улице, третий этаж, окна во двор. Ему двадцать лет и четыре месяца, и он служит в магазине фотографических принадлежностей (здесь же можете сдать свои снимки, их проявят и отпечатают). Что именно делает Стикни в том магазине, не знаю, но ручаюсь, что вы его видели. Он стоит за прилавком, и, войдя, вы ему растолковываете, зачем вы сюда пришли. После чего он пронзительным голосом подзывает хозяина. Теперь вы должны еще раз объяснять все хозяину, а Стикни уходит небрежной походкой, посвистывая.

Не будем терять здесь времени на описание внешности Стикни. Впрочем, если читатель — игрок на бильярде, могу пояснить, что Стикни — полнейшая копия того молодого бездельника, который, когда вы, промазав шара, плететесь к любимому креслу, всегда умудряется сесть раньше вас и сидит там, блаженно покуривая.

Рождество — не для всех Рождество. Есть, конечно, богатые люди и люди, недурно устроенные, живущие в особняке или в удобной квартире, у хозяйки, на всем готовом, на худой конец, в меблированных комнатах с гостиничным обслуживанием. Эти знают, что в городе праздник.

Они носят друг другу подарки (соскребя предварительно ножичком ярлык с указанием цены), украшают окна на улицу гирляндами из остролиста и на вопрос за обедом, чего им желательно, грудку или ножку индейки, отвечают, осклабясь: «Того и другого».

Бедняки урывают свое. Армия Спасения стряпает им обед, а издатели многотиражной вечерней газеты шлют на дом корзину с яблоком, жареным голубем, баклажанами всмятку и белесым пучком петрушки. И чем вы беднее, тем больше вы рады подарку.

Но я укажу вам смертного, для которого 25 декабря не более, чем день, предшествующий 26-му. Это молодой человек в большом городе, чей заработок шестнадцать монет в неделю, без друзей, без знакомых, и в канун Рождества у него в кармане всего пятьдесят центов. Встать в хвост за бесплатным супом ему вроде неловко, попросить в долг не у кого, и к обеду, увы, он не зван.

Иногда, фантазируя, я рисую такую картину. Волхвы оставляют стада, чтобы идти за Вифлеемской звездой. Среди них долговязый юнец; он только недавно начал учиться пастушеству. «Слушай, Бобби, — они говорят, — мы идем за звездой, разузнать, что случилось. Если действительно

там Рождество, нет смысла его пропускать. Ну а ты до волхва не дорос, да и дар купить тебе не на что. Так что лучше побудь пока тут, пригляди за стадами».

Гарри Стикни — потомок того пастуха, который смотрел за стадами.

Однако вернемся к рассказу. Стикни звонил у подъезда под номером 45. Он, конечно, забыл свой ключ.

Дверь открылась. На пороге была миссис Кэннон. Придерживая кофту у самого горла, она глядела на Стикни, подобно Горгоне, своим желтым и мутным взором.

(Чтобы никто не подумал, что я скуплюсь на рассказы, вот вам еще один, новелла в новелле. Квартирант, живший в доме под номером 47 и известный своими шотландскими склонностями — не скажу, чтобы он выходил на прогулку в клетчатой юбочке, зато был сердечно привязан к шотландскому виски, — призадумался как-то над тем, что получится, если два человека зазвонят одновременно один в 43-й дом, другой в 47-й. Его взору предстало видение двух половин миссис Кэннон, открывающих порознь двум посетителям две разные двери и придерживающих — каждая — у горла рукой свою половину кофты.

Нервы шотландца не выдержали, его увезли санитары.)

— Добрый вечер, — промямлил Стикни, оставляя на коврике в холле мокрый и грязный след. — Не пойму, снег пошел, что ли?

— Вы забыли свой ключ, — сказала ему…

(Здесь рукопись обрывается.)

1905

Дары волхвов

Перевод Зиновия Львовского

Один доллар и восемьдесят семь центов! И это всё! Из них шестьдесят центов — по одному пенни. Она выторговывала их по одной-две монетки у бакалейщика, зеленщика и мясника, и у нее до сих пор горели щеки при одном воспоминании о

том, как она торговалась. Господи, какого мнения были о ней, какой жадной считали ее все эти торговцы!

Делла трижды пересчитала деньги. Один доллар и восемьдесят семь центов… А завтра — Рождество.

Ясное дело, что ничего другого не оставалось, как хлопнуться на маленькую потертую софу и разреветься. Делла так и сделала — из чего можно вывести заключение, что вся наша жизнь состоит из слез, жалоб и улыбок, с перевесом в сторону слез.

В то время как хозяйка будет переходить от одного душевного состояния к другому, мы успеем бросить беглый взгляд на квартиру. Это меблированная квартирка, за которую платят восемь долларов в неделю. Нищенская квартирка — вот наиболее точное определение.

В вестибюле, внизу, висит ящик для писем, в щель которого в жизни не протиснется письмо. Внизу же находится электрический звонок, из которого ни единый смертный не выжмет ни малейшего звука. Там же можно увидеть и визитную карточку: «М-р Джеймс Диллингем Юнг».

Во времена давно прошедшие и прекрасные, когда хозяин дома зарабатывал тридцать дол-

ларов в неделю, буквы «Диллингем» имели чрезвычайно заносчивый вид. Но в настоящее время, когда доходы упали до жалкой цифры в двадцать долларов в неделю, эти буквы как будто бы потускнели и словно задумались над очень важной проблемой: а не уменьшиться ли им всем до скромного и незначительного Д.?

Но при всем том, когда бы мистер Джеймс Диллингем Юнг ни возвращался домой и ни взбегал мигом по лестнице, миссис Джеймс Диллингем Юнг, уже представленная вам как Делла, неизменно восклицала: «Джим!» — и крепко-крепко сжимала его в объятиях. Из чего следует, что у них все обстояло благополучно.

Делла кончила плакать и припудрила пуховкой щеки. Она стояла у окна и смотрела на серую кошку, которая пробиралась по серому забору на сером заднем дворе. Завтра Рождество, а у нее только один доллар и восемьдесят семь центов… И на эти деньги она должна купить Джиму подарок. Несколько месяцев она по пенни копила эти деньги — и вот результат. С двадцатью долларами в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались гораздо больше, чем можно было предполагать, — так всегда бывает! И ей удалось отложить только один доллар восемьдесят семь

центов на подарок Джиму. Ее Джиму! Сколько счастливых часов прошло в мечтах! Она строила всевозможные планы и расчеты и раздумывала, что бы этакое красивое купить… Что-нибудь очень изящное, редкое и стоящее, достойное чести принадлежать ее Джиму!

Между окнами стояло простеночное трюмо. Быть может, вам приходилось когда-нибудь видеть подобные зеркала в восьмидолларовых квартирках? Тоненькой и очень подвижной фигурке иногда случается уловить свое изображение в этом ряде узеньких продолговатых стекол. Что касается стройной Деллы, то ей удалось достигнуть совершенства в этом отношении.

Вдруг она отскочила от окна и остановилась у зеркала.

Ее глаза зажглись ярким светом, но лицо потеряло секунд на двадцать свой чудесный румянец.

Она вынула шпильки из волос и распустила их во всю длину.

А теперь я должен сказать вам вот что. У четы Джеймс Диллингем Юнг были две вещи, которыми они гордились сверх всякой меры. Золотые часы Джима, которые в свое время принадлежали его отцу, а еще раньше деду, — это раз. И

волосы Деллы — два. Если бы царица Савская жила напротив и хоть бы раз в жизни увидела волосы Деллы, когда та сушила их на солнце, то мгновенно и навсегда потускнели бы все драгоценности и дары ее величества.

Если бы, с другой стороны, царь Соломон, при всех своих несметных богатствах, набитых в подвалах, хоть единый раз увидел, как Джим вынимает из кармана свои замечательные часы, то он тут же на месте, на виду у всех, выдрал бы себе бороду от зависти!

Итак, волосы, чудесные волосы Деллы упали вдоль ее плеч и заструились, точно каскад каштановой воды. Они достигли ее колен и окутали ее, словно мантией.

Вдруг нервным и торопливым движением Делла снова собрала волосы. После того минуту-две постояла в глубокой задумчивости, а тем временем несколько скупых слезинок скатилось на потертый красный ковер.

Она надела старый коричневый жакет. Надела старую коричневую шляпку. Затем завихрились юбки, сверкнули глаза, Делла шмыгнула в дверь, слетела со ступенек и очутилась на улице.

Она остановилась перед вывеской, на которой было написано следующее: «M-me Sophronie.

Всевозможные изделия из волос».

Мигом взлетела Делла на второй этаж и остановилась на площадке, с трудом переводя дыхание. Мадам, поразительно белой, холодной и неприятной, совершенно не подходило изящное «Софрони».

— Вы купите мои волосы? — спросила Делла.

— Я покупаю волосы! — ответила та. — Снимите шляпу и дайте мне взглянуть на ваши.

Снова заструился каштановый каскад.

— Двадцать долларов, — молвила мадам, опытной рукой взвешивая волосы.

— Давайте скорее деньги! — сказала Делла.

А затем, в продолжение целых двух часов, она парила по городу на розовых крыльях. Простите эту метафору и затем позвольте сказать вам, что Делла перерыла чуть ли не все магазины в поисках подходящего подарка для Джима.

Наконец она нашла то, что ей было нужно. Несомненно, это было сделано для Джима — и только для него. Подобной вещи не было больше ни в одном магазине, а она побывала повсюду. Это была карманная платиновая цепочка, очень простого и скромного рисунка, которую только знаток оценил бы по-настоящему, несмотря на отсутствие мишурных украшений. Именно так

выглядят стоящие вещи! Цепочка была вполне достойна часов. Как только Делла увидела ее, она тут же на месте решила, что должна купить ее для Джима. Цепочка была подобна ему. Благородство и высокая ценность — вот что одинаково характеризовало и Джима, и цепочку. Делла уплатила за подарок двадцать один доллар и поспешила домой с восемьюдесятью семью центами в кармане. С подобной цепочкой Джим мог себя свободно чувствовать в любом обществе. Несмотря на высокое качество самих часов, Джим очень редко вынимал их на людях — из-за старого кожаного ремешка, заменявшего цепочку. Но теперь все пойдет по-иному!

Когда Делла вернулась домой, ее возбуждение мгновенно уступило место осторожности и рассудку. Она вынула щипцы для волос, зажгла газ и энергично принялась за ремонт повреждений, произведенных ее благородством и любовью. Ах, дорогие друзья, какая это была тяжелая работа!

Через сорок минут ее голова покрылась мелкими завитушками, которые сделали ее удивительно похожей на лохматого школьника. Она бросила долгий, внимательный и критический взор на свое изображение в зеркале.

— Если Джим сразу не убьет меня, — сказала

она самой себе, — то скажет, что я похожа на хористочку с Кони-Айленда. Но что я могла поделать! Что я могла поделать с одним долларом и восемьюдесятью семью центами в кармане?

К семи часам вечера кофе был готов, и на газовой плите уже стояла сковородка для жаренья котлет. Джим никогда не опаздывал. Делла сложила цепочку, крепко зажала ее в руке и села за стол поближе к двери, в которую всегда входил Джим. Вдруг она услышала шум его шагов по лестнице и на миг побелела, как полотно. У нее была привычка произносить молитву касательно самых незначительных будничных вещей, поэтому она прошептала:

— Господи Боже, сделай так, чтобы Джим и теперь нашел меня хорошенькой!

Дверь открылась, пропустила вперед Джима и закрылась. Джим выглядел похудевшим и очень серьезным. Бедный мальчик! Всего только двадцать два года, а уже обременен семьей! Ему необходимо было новое пальто. Перчаток у него тоже не было.

Он остановился у дверей, точно сеттер, внезапно почуявший куропатку. Джим устремил пристальный взор на Деллу, и как Делла ни старалась, она никак не могла прочесть это вы-

ражение. Она испугалась насмерть. Во взгляде Джима не было ни гнева, ни удивления, ни порицания, ни ужаса — словом, ни единого из тех чувств, которых ждала Делла. Он просто стоял против нее и не отрывал от ее головы какого-то странного, незнакомого, необычайного взора.

Делла выскочила из-за стола и побежала к нему.

— Джим, дорогой мой! — взмолилась она. — Ради всего святого, не гляди на меня так! Я срезала волосы и продала их потому только, что не могла встретить Рождество без того, чтобы не купить тебе подарка! Они у меня опять отрастут! Ради Бога, не волнуйся: увидишь, что они отрастут! Ничего другого я не могла сделать! А что касается волос, то они растут так быстро… даже чересчур быстро. Ну, Джим, скажи мне: «Счастливого Рождества!» — и будем веселиться! Ах, если бы ты только знал, какой замечательный, какой чудесный подарок я приготовила тебе!

— Значит, ты остригла волосы? — спросил Джим с таким видом, точно после самой напряженной работы ума не мог все-таки уразуметь такой простой и очевидный факт.

— Да, остригла и продала их! — ответила Делла. — Разве же ты из-за этого не так любишь меня,

как раньше? Ведь, хоть и без волос, я осталась та же самая и такая же самая!

Джим оглядел всю комнату.

— Итак, ты говоришь, что твоих волос уже больше нет? — снова, почти с идиотским видом спросил он.

— Напрасно ты ищешь их здесь! — сказала Делла. — Ведь я же ясно говорю тебе, что я продала их! Сегодня — сочельник! Пойми же это, дорогой, и будь ласков со мной, потому что я сделала это только для тебя! Очень может быть, что мои волосы уже разделены и рассчитаны, — продолжала она с серьезной нежностью, — но нет на свете такого человека, который бы мог подсчитать мою любовь к тебе!.. Джим, жарить котлеты?

Казалось, Джим вышел наконец из состояния столбняка и крепко прижал к своей груди Деллу. Очень прошу вас, бросьте на десять секунд ваш внимательный взор на какой-нибудь другой предмет в комнате. Восемь долларов в неделю или миллион в год — какое значение это имеет? Математик или остряк дадут вам совершенно неправильный ответ. Волхвы принесли в свое время очень ценные дары, но и среди тех даров не было подобного этому. Это туманное утверждение разъяснится впоследствии.

Джим вынул из своего кармана какой-то пакет и бросил его на стол.

— Делла, — сказал он, — я не хочу, чтобы ты ложно истолковала мое поведение. Меня совершенно не волнует, что ты сделала со своими волосами: остригла ли ты их, побрила ли или просто-напросто помыла шампунем. Из-за такой мелочи я не стану меньше любить мою дорогую девочку. Но если ты потрудишься и развернешь этот сверток, то сразу поймешь, почему я в первую минуту так вел себя.

Белые проворные пальцы очень живо справились с веревочкой и бумагой. И тотчас же раздался восторженный крик радости, который — увы! — слишком скоро и чисто по-женски сменился истерическими слезами и воплями, потребовавшими от хозяина квартиры, чтобы он немедленно пустил в ход все имеющиеся в его распоряжении успокоительные средства. Потому что на столе лежали гребни — целый набор боковых и задних гребней, которыми Делла уже очень давно любовалась, видя их часто на одной из витрин на Бродвее. Это были великолепные гребни, настоящие черепаховые, с блестящими украшениями по бокам, вполне подходящие для таких же великолепных, но, к сожалению, остри-

женных волос Деллы. Это были очень дорогие гребни. Делла прекрасно знала это, и сердечко ее долго и страстно рвалось к ним без малейшей надежды на то, что она когда-нибудь в сей жизни будет обладать ими. И вот сейчас они лежат перед ней, однако уже нет волос, которые эти желанные гребни должны были украшать…

Но она прижала их к своей груди и наконец собралась с силами, подняла головку, поглядела на них затуманенными глазами и с улыбкой сказала:

— Джим, у меня страшно быстро растут волосы!

И тут же на месте подскочила, как кошка, и закричала на всю комнату:

— О! О!

Ведь Джим еще не видел ее замечательного подарка! Она порывисто протянула ему этот подарок на своей раскрытой ладони. Казалось, что на тусклый драгоценный металл упало сияние ее яркого и страстного духа.

— Ну, Джим, разве не прелесть? Имей в виду, что я перерыла буквально весь город. Теперь ты сможешь вынимать их сто раз в день. Дай-ка сюда часы! Я хочу посмотреть, как они выглядят с цепочкой!

Но вместо того чтобы исполнить приказание, Джим опустился на софу, заложил руки за голову и улыбнулся.

— Знаешь, что, Делла, я скажу тебе, — промолвил он, — я предложил бы на время отложить наши подарки в сторону. Для настоящего момента они слишком хороши. Я продал часы, чтобы купить тебе гребни. А теперь, дорогая моя, время жарить котлеты.

Как вам известно, волхвы, принесшие подарки Младенцу в яслях, были умные, чрезвычайно умные люди. Это они придумали обычай дарить рождественские подарки. Такими же мудрыми, как они сами, были, несомненно, и их подарки, которые в крайнем случае можно было обменять. Не мудрствуя лукаво, я попытался изложить здесь рассказ о двух глупых детях, которые самым немудреным образом пожертвовали друг для друга самыми прекрасными сокровищами своего дома. Но в последнем моем слове, обращенном к современным мудрецам, я позволю себе указать на то, что из всех людей, делавших когда-либо подарки, эти двое — мудрейшие. Из всех людей, делавших и принимавших подарки, они самые мудрые. Таких мудрых людей и на свете до сих пор не было. Они — настоящие волхвы!

1905

Об авторе

Рекламы орут; пестрые огни мигают в окнах, на стенах, в небе; поезда грохочут где-то в воздухе над головой; этажи бешено лезут друг другу на плечи — десятый, пятнадцатый, двадцатый. Это — Лондоны, Парижи, Берлины, заверченные в десять раз лихорадочней, это — Америка.

В минуту, по телефону, по телеграфу — сделать какие-то миллионы, на ходу проглотить чего-нибудь в баре — и в летящем вагоне десятиминутный отдых за книгой. Десять минут, не больше, и в десять минут надо иметь законченное, целое — и так, чтобы это летело, не отставая от стоверстного поезда — и так, чтобы это заставило забыть о поезде, о грохоте, о звонках — обо всем.

Это сумел сделать О. Генри (Уильям Сидни Портер; 1862–1910). В его коротких, острых, быстрых рассказах — конденсированная Америка… В кинематографе прежде всего — движение, во что бы то ни стало — движение. И движение, динамика — прежде всего у О. Генри; отсюда его плюсы и его минусы.

Читатель, попавший в кинематограф О. Генри, выйдет оттуда, освеженный смехом: О. Генри неизменно остроумен, забавен, молодо-весел… смешливый, насмешливый, легкий — быстрый язык, быстрый ум, быстрые чувства — в движении каждый мускул, как у другого национального американского героя — Чарли Чаплина…

Обычно, если только он не болен сентиментальностью, он смеется и шутит. Даже из драматического грима в нем иной раз все-таки выглянет все тот же неподражаемый Чарли Чаплин. Он, улыбаясь — голодает, улыбаясь — идет в тюрьму и, вероятно, умирает с улыбкой…

Эту неистребимую, упругую бодрость выковала в О. Генри вся его жизнь: от молота сталь становится крепче. Он сам жил в этих убогих меблированных комнатах, куда он не раз приведет с собой читателя; он сам проводил ночи на скамьях в парке; он — нью-йоркская богема, романтический американский бродяга. Из его биографии мог бы, вероятно, выйти превосходный фильм: О. Генри — приказчик в табачной лавчонке; О. Генри — фармацевт за стойкой аптеки; О. Генри — над гроссбухом в торговой конторе; О. Генри — три года в тюрьме. И после тюрьмы — не «Рэдингская баллада», а веселые,

легкие, обрызганные смехом рассказы. Тот же самый удар, какой вдребезги разбил изнеженного, хрупкого Уайльда, из О. Генри высек первую искру творчества.

Нужда, лихорадка огромного американского города торопили, подстегивали О. Генри, он писал слишком много: иные годы по пятьдесят — шестьдесят рассказов. Оттого вещи его неровны… Но ведь один и тот же углерод, по-разному сочетаясь с другими элементами, дает и уголь, и графит, и алмаз. Во всяком случае, алмазы у О. Генри есть, и это ставит его вблизи таких мастеров новеллы, как Чехов и Мопассан. И надо сказать, что художественная техника О. Генри — по крайней мере, в лучших его вещах — острее, смелее, современней, чем у многих уже ставших классиками новеллистов.

Острый, сверкающий эксцентричной и неожиданной символикой язык — первое, что увлекает читателя О. Генри. И это не мертвый, механический эксцентризм в символике имажинистов: у О. Генри образ всегда внутренне связан с основной тональностью действующего лица, эпизода или всего рассказа. Потому-то у него всякий, самый необычный как будто, эпитет и образ покоряет, гипнотизирует…

У О. Генри блестящий язык обычно соединен с динамичным сюжетом. Любимейший его композиционный прием — это совершенная неожиданность развязки. Иногда эффект неожиданности очень искусно достигается автором при помощи того, что можно назвать ложной развязкой, то есть в сюжетном силлогизме читатель намеренно приводится к ошибочному выводу, а затем где-нибудь вдруг, в конце, крутой поворот — и открывается развязка совершенно иная…

К сожалению, в композиции рассказов О. Генри, особенно в переходах к развязке, есть однообразие: хроническая неожиданность теряет свой смысл, неожиданности — ожидаешь, исключение становится правилом…

Впрочем, у Толстого Катюшу Маслову Нехлюдов не меньше любил от того, что она была чуть-чуть раскосой. И указанные недостатки не помешали О. Генри стать одним из любимейших писателей в Америке и Англии.

Евгений Замятин. «О. Генри». 1923